

НАЦІОНАЛЬНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ ІМЕНІ В. І. ВЕРНАДСЬКОГО

ФОНД ПРЕЗИДЕНТІВ УКРАЇНИ

**ІНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТСТВА В СИСТЕМІ
СУЧАСНИХ МІЖНАРОДНИХ ВІДНОСИН**

(інформаційно-аналітичний бюлетень)

Випуск 1

**Перспективи Євразійського союзу в контексті сучасних
інтеграційних процесів**

Київ 2013

**Інститут президентства в системі сучасних
міжнародних відносин
інформаційно-аналітичний бюлетень**

Головний редактор

О. С. Онищенко, академік НАН України

Редакційна колегія

В. Удовик (заступник головного редактора),
Л. Галаган, А. Матвійчук, О. Симоненко

Реферативні та аналітичні матеріали підготували

Л. Галаган, О. Дуднік, О. Симоненко, В. Удовик

Заснований у 2012 році

Виходить раз на місяць

Адреса редакції:

НБУВ, пр-т 40-річчя Жовтня, 3, Київ, 03039, Україна

Тел.: (044) 525-54-70

E-mail: fpu@nbuv.org.ua

Передрук – тільки з дозволу редакції

ЗМІСТ

ВСТУП.....	4
ОСНОВНІ СТРАТЕГІЧНІ ВЕКТОРИ В РЕАЛІЗАЦІЇ ЄВРАЗІЙСЬКОГО СОЮЗУ	5
Інтеграційний проект ЄАС в інформаційних повідомленнях ЗМІ.....	5
Євразійський проект в баченні аналітиків	23
ПЕРСПЕКТИВИ УКРАЇНИ В ЄВРАЗІЙСЬКОМУ СОЮЗІ.....	50
ЄВРАЗІЙСЬКИЙ ПРОЕКТ В КОНТЕКСТІ НАУКОВИХ ДОСЛІДЖЕНЬ: Евразийский экономический союз: гражданское измерение.....	59

ВСТУП

У наступному випуску інформаційно-аналітичного бюлетеня «Перспективи Євразійського союзу в контексті сучасних інтеграційних процесів», який виходить у серії «Інститут президентства в системі сучасних міжнародних відносин» подані матеріали, в яких висвітлюється інформація щодо сучасного обговорення подальших перспектив реалізації Євразійського проекту (ініційованого В. Путіним та підтриманим Н. Назарбаєвим і О. Лукашенком).

Дане видання складається з трьох розділів. У першому – «ОСНОВНІ СТРАТЕГІЧНІ ВЕКТОРИ В РЕАЛІЗАЦІЇ ЄВРАЗІЙСЬКОГО СОЮЗУ» містяться витяги з інформаційних повідомлень електронних ЗМІ з даної проблематики, а також подано структурований аналітичний матеріал: думки, прогнози провідних українських та зарубіжних експертів, політологів, політиків щодо перспективи реалізації Євразійського проекту, участі в ньому країн СНД і Євразії.

Другий розділ «ПЕРСПЕКТИВИ УКРАЇНИ В ЄВРАЗІЙСЬКОМУ СОЮЗІ» висвітлює інформацію щодо питань інтеграційної політики України в межах Євразійського проекту та думки аналітиків, політиків з приводу подальших перспектив розгортання політичних, економічних, соціальних взаємовідносин між країнами-учасницями.

У третьому розділі «ЄВРАЗІЙСЬКИЙ ПРОЕКТ В КОНТЕКСТІ НАУКОВИХ ДОСЛІДЖЕНЬ» подано результати досліджень сучасних науковців з проблематики міжнародних відносин загалом та перспектив формування єдиного політичного та економічного євразійського простору зокрема.

Матеріали серії будуть корисними для науковців, політологів, соціологів, юристів, журналістів, викладачів та студентів, які займаються вивченням інституту президентства, питаннями функціонування різних гілок вищої влади, проблемами зовнішньої політики, політичного лідерства, виборчими процесами та конституційними реформами в країнах світу, а також для співробітників відповідних державних служб у ході виконання ними безпосередніх функціональних повноважень і вирішення актуальних проблем щодо вдосконалення роботи державних структур і їхніх підрозділів.

ОСНОВНІ СТРАТЕГІЧНІ ВЕКТОРИ В РЕАЛІЗАЦІЇ ЄВРАЗІЙСЬКОГО СОЮЗУ

Інтеграційний проект ЄАС в інформаційних повідомленнях ЗМІ

Президент России Владимир Путин 5 октября совершил визит в Таджикистан. Это стало продолжением турне по постсоветским странам Центральной Азии, первый этап которого проходил в середине сентября с визитами в Казахстан и Киргизию. В ходе поездок Россия укрепила отношения с этими странами, что особенно важно на фоне усиления конкуренции за центральноазиатский регион с США и КНР.

Активизация России на центральноазиатском направлении – характерная черта третьего президентского срока Владимира Путина. Этот регион был в числе приоритетов внешней политики Москвы и в предшествующие годы. Однако наибольших успехов удавалось добиться в отношениях с Казахстаном, в то время как Киргизия, Таджикистан и Узбекистан предпочитали сохранять более длинную дистанцию в отношениях с Россией. Так, в 2010 г. было окончательно запущено функционирование Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана, хотя изначально этот проект задумывался как интеграционный механизм для всех центральноазиатских республик, входящих в ЕврАзЭС.

Важность постсоветского центральноазиатского региона во внешнеполитической повестке дня России определяется несколькими факторами. Во-первых, фактором безопасности. Данный регион является своего рода «буферной зоной» между Россией и социально нестабильным Афганистаном, откуда исходит целый ряд рисков – наркотрафик, исламский фундаментализм. Присутствие России в республиках Центральной Азии (ЦА), с одной стороны, позволяет ей создавать дополнительные барьеры этим угрозам на дальних подступах к собственной территории (в частности, российские пограничники укрепляют таджикско-афганскую границу) и, с другой стороны, обеспечивает стабильность светских режимов этих стран, гарантируя от усиления исламского фактора в их политике.

Во-вторых, укрепление России в постсоветских республиках ЦА позволяет распространять влияние и дальше – на Афганистан и Пакистан. Вывод международного воинского контингента из этой страны является серьезным вызовом и одновременно открывает новые возмож-

ности. Показательно в этом смысле создание «Душанбинской четверки», куда входят Россия, Таджикистан, Афганистан и Пакистан. Данная площадка может рассматриваться как попытка России расширить область своего присутствия в ЦА на основе координирования региональной политики в области безопасности.

В-третьих, имеет место конкуренция с США и Китаем, чьи позиции в регионе существенно усилились за последнее десятилетие. Пекин развивает торгово-экономическое сотрудничество, основанное отчасти на транзите китайских товаров в Россию и Европу. Вашингтон значительно укрепился в военном отношении в связи с операцией в Афганистане и, по-видимому, планирует сохранить присутствие и после 2014 г. в рамках поддержания политической стабильности в регионе. К тому же существует проект «Нового шелкового пути», отводящего важную транзитную роль республикам ЦА.

Более того, за последние годы появился еще один претендент на этот лакомый геополитический кусок – Турция. Об этом, в частности, свидетельствует получение Анкарой статуса государства-наблюдателя в ШОС, а также значительное укрепление ее отношений с Киргизией (напомним, что президент Атамбаев совершил свой первый зарубежный визит именно в Турцию, а недавно побывал там на съезде правящей Партии справедливости и развития).

В результате, конкуренция за центральноазиатский регион между внешними игроками усиливается, что усиливает позиции каждой из этих стран и увеличивает цену вопроса при дальнейшем укреплении интеграции России с ними. (...)

Если с Казахстаном давно найдена формула эффективного взаимодействия, то Киргизия была более проблемной для России страной. В частности, оставалась неопределенность по поводу судьбы российской военной базы, а также намерения Киргизии вступить в Таможенный союз. Однако в ходе визита оба вопроса удалось снять. Первый – полностью (соглашение по базе подписано), второй – частично (киргизский президент заявил о намерении вступить в Таможенный союз, хотя подобные заявления делались и ранее).

Впрочем, цена политической лояльности центральноазиатских республик постепенно растет. Так, Россия списала часть долгов Киргизии, а также согласилась проинвестировать строительство ГЭС в этой стране.

Нынешний визит Владимира Путина в Таджикистан продолжил положенную в первом турне тенденцию. Последние два года оставалась неопределенность по поводу судьбы российской 201-й военной базы, соглаше-

ние по которой не продлевалось. Разногласия заключались в том, что таджикская сторона пыталась увеличить арендную плату (до этого Москва не платила за пребывание на территории Таджикистана российских войск).

Стоит отметить, что эта база (бывшая дивизия) насчитывает более 7 тыс. чел. личного состава, что составляет более половины от 12-тысячной армии Таджикистана, не говоря уже о несравнимо более продвинутом военно-техническом обеспечении. Поэтому 201-я российская база является значимым элементом безопасности Таджикистана и стабильности действующего режима, что обуславливает заинтересованность Душанбе в пролонгации ее пребывания.

В результате, условия соглашения не претерпели существенных изменений, а его срок был продлен до 2042 г. Уступки с российской стороны ограничились смягчением режима для таджикских мигрантов (увеличение максимального срока разрешения на работу до 3 лет), а также финансовой помощью в борьбе с наркотрафиком (\$5 млн). (...)

Таким образом, визит Владимира Путина в Таджикистан продолжил тенденцию на укрепление позиций России в постсоветских центральноазиатских республиках. За последние месяцы России удалось подтвердить отношения стратегического партнерства с Казахстаном, а также значительно укрепить свое присутствие в Киргизии и Таджикистане. При этом цена лояльности этих государств зависит от степени их самостоятельности и диверсифицированности внешних связей.

Россия предлагает этим странам модель интеграции, альтернативную китайской, американской и турецкой, основанную на механизмах Таможенного союза, а в перспективе и Евразийского союза. Это ставит их перед жестким стратегическим выбором, который ограничивает прежнюю маятникообразную модель их внешнеполитического поведения. В результате, выбор Ташкента в пользу Запада был с успехом компенсирован сближением Москвы с Бишкеком, а теперь еще и с Душанбе.

(Ларионов Р. Россия-Таджикистан: новые плоды евразийской интеграции // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14341/>). – 2012. – 08.10).

Пространство беспошлинной торговли участников СНГ практически единственный реально действующий механизм, создающий поле взаимного притяжения для большей части постсоветских государств. Договор о Зоне свободной торговли отличают два политических свойства...

Первое. В отличие от Таможенного Союза, объединившего вокруг России только два государства, он не противоречит основным интере-

сам большинства бизнес-элит. Напомню, что благодаря первому соглашению от 15 апреля 1994 года в СНГ возникла возможность поставлять товары друг другу по нулевой таможенной ставке. Поэтому данный договор стал весьма выгодным для среднего и мелкого бизнеса. В частности, он стал ключевым «окном» позволившим огромной армии предпринимателей всех стран Содружества декларировать китайский и прочий импорт как товары, произведенные в СНГ (к примеру, по такой схеме шли китайские товары из украинских портов в РФ). Соответственно, вплоть до начала 2000-х таможенные службы использовали этот канал для коррупционных сборов, закрывая глаза на подложные сертификаты страны производителя товара. Современным стимулом реализации положений нового договора ЗСТ могут стать перспективы роста взаимного экспорта участников на 5–7 % в год.

Второе. Договор о ЗСТ, по сути, является первой фазой интеграции. Но собственно именно за ней обычные для такого рода соглашения конфликты бизнес интересов крупных производителей (торговые войны и взаимные ограничительные барьеры) приобретают степень остроты конфликтов национальных политических интересов. Поэтому, с одной стороны, договор действительно является главным стержнем постсоветского пространства, наравне с безвизовым режимом, и в Москве это понимают как опору для дальнейшей интеграции (создание ЗСТ как в 1994, так и в 2012 году рассматривается Москвой в качестве первого этапа создания единого экономического пространства). С другой стороны, во многих столицах СНГ (Ташкент, Баку, Киев, Ереван) этот же договор рассматривают лишь достаточным уровнем коллективного регулирования общей экономики, не соглашаясь на более тесные отношения в рамках ТС, требующие делегирование части регулятивных экономических механизмов коллективному органу. В частности, перечисленные столицы напрягает необходимость складывать свою экспортную выручку в «общую корзину» и затем получать долю от пирога. Еще одна проблема – повышение части импортных ставок после вступления в ТС (в этой части звучит критика от бизнеса в Казахстане и более громкие опасения из Армении).

Но, тем не менее, новое соглашение о ЗТС от 18 октября 2011 года, взамен утратившему силу, по-прежнему остается фундаментом, поддерживающим общий каркас путинской стратегии евразийской интеграции.

Если сравнить ЗСТ с договорами ТС или ОДКБ, это единственный документ начала 2010-х годов с интересом рассматриваемый в столицах СНГ. Новый договор подписали восемь государств. В Казахстане,

Киргизии, Таджикистане договор находится в процессе технической ратификации органами власти – основные проблемные трения президентами сняты. Узбекистан также находится на стадии присоединения. Республика на протяжении нескольких лет обговаривала условия присоединения, но в октябре 2011 года отказалась подписывать договор. Однако в феврале 2012 года отправила ноту с просьбой о принятии. Теперь Узбекистан оказался в очереди – полноценное принятие Ташкента зависит от процедуры ратификации договора другими участниками, скорее всего это произойдет к концу 2012 года. В отличие, допустим, от кризисных вопросов взаимодействия внутри ОДКБ, индифферентным отношением к ЕврАзЭС, Ташкент не ставит под сомнение ценность нового торгового соглашения. (...)

С точки зрения экономистов, Москва пыталась комбинировать две модели политэкономической интеграции. Первая – условно европейская. Ее отличает развитая иерархическая структура с множеством институтов, наличие наднациональных органов с действующими принципами коллективного протекционизма и стандартизацией законодательства. Вторая – широко известная с начала 1960-х, разработанная венгерским экономистом Бела Балашом (Balassa Béla). В его версии интеграционное объединение проходит следующие пять этапов: зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический и валютный союз, политический союз. По мнению, экономиста Лидии Косиковой (ведущий научный сотрудник Института экономики РАН), разрабатывавшей первые российские концепции интеграции, Москва в своей реальной политике придерживалась второй модели. Европейская концепция, двигавшая ЕС в сторону конфедерации государств, на постсоветском опыте распада не могла иметь ростков. Участники СНГ, прежде всего, развивают национальные государства и его структуры и лишь во вторую очередь рассматривают принципы интеграционной деятельности, и то, в зависимости от их полезности для своих экономик...

Насколько была велика советская инерция в сознании первой постсоветской элиты? Учитывая, что ключевые участники СНГ имели президентов из числа крупных советских чиновников, понятно их желание хоть формально сохранить некое подобие общего каркаса-фасада (без силовых функций), сохранить варианты косвенного субсидирования Москвой бывших республик. Все это подталкивало элиту обозначить на бумаге общее пространство, но конечно без политического Центра, ограничившего национальный суверенитет. Поэтому, в сентябре 1993 года, на базе инфраструктуры СССР был подписан Договор о создании

Экономического союза. Именно здесь была заложена идея формирования в будущем многосторонней зоны свободной торговли в СНГ. (...)

Российский вариант ЗСТ испытывает сильнейшую конкуренцию с проектом ЗСТ Евросоюза обращенного к европейской части СНГ – Украине, Молдове, Армении (в перспективе Беларуси). В странах Центральной Азии Китай не предлагает подобного проекта, однако, на фоне потока китайских инвестиций и дешевых кредитов российские экономические предложения теряют монополизм и безальтернативную привлекательность. (...)

Столицы СНГ ожидают инвестиций и предложений модернизации промышленности от внешних центров так же, как в советское время они боролись за увеличение потока из Москвы прямых дотаций и лоббировали решения Совмина СССР о строительстве новых предприятий промышленности и агросектора в своих республиках. Поэтому ключевым фактором конкуренции интеграционных проектов будет являться их способность оказывать воздействие на улучшение качества жизни и технологическую модернизацию промышленности, помощь в дальнейшем продвижении структурных реформ.

В принципе, Москва решила делать шаги в этом направлении. Увеличение доли задач социально-экономической модернизации в интеграционной повестке видно по повесткам межправительственных заседаний. В частности, в Ялте 28 сентября на заседании глав правительств была принята стратегия развития информационного общества в СНГ до 2015 года. Она предусматривает преодоление «цифрового неравенства», использование информационных технологий для изготовления паспортов и виз, в дистанционном обучении, для электронной торговли. Были утверждены меры по созданию конкурентной среды в сфере розничной торговли. С точки зрения социальной модернизации важнейшее значение имеют ялтинские соглашения о сотрудничестве в области борьбы с инфекционными болезнями; о порядке допуска специалистов, имеющих право на занятие медицинской или фармацевтической деятельностью в государствах ЕврАзЭС, соглашения о сотрудничестве в области оказания высокотехнологичной медицинской помощи гражданам участников ЕврАзЭС.

Однако это только отдельные ростки в разных сферах. Неизвестно как эти и другие документы сработают на практике. Взаимное сотрудничество и ориентация на Москву играет все-таки ограниченную роль в модернизации экономик и социальных систем стран Содружества. Постсоветские страны в целях модернизации значительно шире используют заимствованные из третьих стран бизнес-идеи и технологии,

что приводит к формированию трансграничных технологических цепочек и соответственно к опережающему росту торговли с ними в ущерб связям в СНГ. Ситуация, безусловно, двусмысленная. Доклад группы Леонида Вардомского института Экономики РАН констатирует, что ТС и ЗСТ создаются для того, чтобы торговать продукцией, созданной на основе технологий третьих стран. Модель догоняющего развития это допускает, но, в определенных пределах, поскольку для того, чтобы приблизиться к ведущим странам, необходимо не столько создание условий для сбыта продукции на свои рынки, сколько собственно трансграничных производственно-технологических цепочек, образующих субстрат интеграционного объединения.

(Караваев А. Зона свободной торговли СНГ: конкуренция проектов интеграции // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14424/>). – 2012. – 22.10).

Вопрос о создании некоего общего формата социальной модернизации для стран СНГ достаточно остро стоит в повестке дня. Но сейчас более реально говорить о социальной модернизации не столько для СНГ в целом, сколько для будущего евразийского союза. Поскольку если мы говорим о формировании евразийского союза как о большом проекте, то важной составляющей этого проекта должна стать успешная социальная политика. Так или иначе синхронизация экономик предполагает и синхронизацию социальных систем. Мне представляется, что обращение к социальной сфере в рамках евразийского проекта поможет решить две задачи:

Во-первых, через объединение потенциалов и обмен опытом решить проблемы, стоящие перед национальными социальными системами.

Во-вторых, в рамках большого евразийского проекта создать евразийский стандарт качества жизни по примеру европейского социально-го стандарта, который станет мощным стимулом для интеграции.

В то же время, каждая из этих задач ограничена целым рядом объективных проблем. Главным препятствием для объединения потенциалов стран евразийского проекта, я уже не говорю об СНГ, являются очевидные расхождения в моделях социального развития трех государств. Например, сейчас актуален вопрос о создании единой пенсионной системы для СНГ.

Казахстан первый из стран СНГ по чилийской модели перешел к накопительной системе и сейчас эту пенсионную систему развивает и реформирует.

России планируется либо полный, либо частичный отказ от накопительной части, при этом будет разработана новая формула вычисления

размера пенсионных отчислений, основанная на стаже работы. Продолжаются дискуссии о повышении пенсионного возраста.

В Беларуси по-прежнему действует солидарная система, и руководству республики удалось сохранить приемлемое соотношение между количеством работающих и пенсионеров.

Поэтому вопрос синхронизации социальных моделей стоит очень остро, и возможно, Казахстан может стать одним из модераторов этой дискуссии.

Отгалкиваясь от тезиса, что социальные реформы в Казахстане – наиболее эффективны среди стран СНГ, можно сказать, что Казахстану есть чем поделиться со своими партнерами по евразийскому союзу. Очень важно, что еще до объявления масштабной социальной модернизации и выхода в свет статьи Нурсултана Назарбаева «Общество всеобщего труда» в Казахстане большое внимание уделялось развитию человеческого капитала, вложениям в молодежную политику, в образование и науку. (...)

Для России, где расходы на науку и образования остаются на крайне невысоком уровне следует не только задуматься о собственной конкурентоспособности, но и совместных с Казахстаном проектах в научной сфере, в сфере инноваций. Пока возможности для этого очень широкие. (...)

В сфере инноваций у наших стран есть очень благоприятные условия для сотрудничества. Здесь объединение потенциалов может дать мощный синергический эффект. Например, и в России и в Казахстане практически отсутствует рынок инноваций. Совместная разработка специальных законодательных норм в рамках евразийского проекта будет стимулировать развитие высоких технологий от идеи до реализации.

Кроме того, учитывая сырьевую направленность наших экономик, общей задачей для наших стран может стать развитие инновационного потенциала нефтегазового сектора.

Решение этих задач усилиями одного государства представляется очень сложным, и здесь как раз интеграция может стать условием повышения конкурентоспособности России, Казахстана и других стран евразийского проекта в глобальной экономической системе.

(Якушева Ю. Социальная модернизация для стран евразийского проекта: опыт Казахстана // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14446/>). – 2012. – 24.10).

Одним из главных ньюс-мейкеров середины октября по вопросам евразийской интеграции стал известный казахстанский политик сенатор Гани Касымов. Так, 22 октября в рамках обсуждения Сенатом Казахстана законопроекта об объединенной коллегии таможенных служб

государств ТС он заявил, что данный документ противоречит Конституции РК, да и к тому же еще составлен только на русском языке, что также, по его мнению, является дополнительным свидетельством «подчиненности» чиновников, ведущих переговорный процесс с Москвой, и их неспособности отстаивать национальные интересы Казахстана.

По сообщениям СМИ, Гани Касымов обвинил Россию в желании «колонизировать» Казахстан в рамках Таможенного союза. Казахстанский сенатор вынес евразийскому проекту безапелляционный приговор: «Мы создаем мощную новую систему, где будет единый наднациональный орган. Надо прямо сказать: все идет к этому. Потому что тут нашего национального ничего нет и наших интересов здесь нет». (...)

Впрочем, высокая эмоциональность и горячность сенатора не помогли сенатору склонить на свою сторону казахстанских депутатов. По крайней мере, сам Касымов заявил о том, что только два депутата голосовали против законопроекта. Помимо самого Касымова, «черный шар» вбросил еще один статусный политик, бывший заместитель главы Администрации Президента РК Маулен Ашимбаев, который также, как и Гани Касымов, уже неоднократно озвучивал свою, по меньшей мере, осторожную позицию в отношении процесса формирования наднациональных политических надстроек к существующему таможенному союзу. По крайней мере, в российских СМИ, где нечасто встретишь казахстанский контент, чаще всего упоминалась именно его критические замечания в отношении проекта создания Евразийского парламента.

Но справедливости ради надо отметить, что в России все больше прислушиваются к доводам казахстанской стороны, и те люди, кого казахстанские противники евразийской интеграции часто упрекают в намерении затянуть Казахстан в «имперский проект», не уходят от проблемы, а выступают за конструктивный диалог по ключевым проблемам современной повестки дня.

В качестве примера можно привести опубликованное в Интернете заявление Руководителя инициативной группы по созданию Евразийского Молодежного Парламента Юрия Кофнера, который призывает обе стороны услышать и понять аргументы друг друга.

Приведем развернутую цитату из этого заявления: «В Казахстане с большой осторожностью относятся к любым политическим аспектам интеграции. Недавно три ведущих политика РК выступили с резкими заявлениями в адрес проекта Евразийского Парламента. Евразийский Молодежный Парламент – это не «бросок в Евразийскую империю», а проект по созданию евразийского союза равноправных независимых

государств с целью общего соразвития. Равные возможности, равный доступ, желание работать ради идеи – вот та идеология, тот светлый образ просвещенного ЕАС, который должен лечь в основу ЕАМП (молодежного парламента – прим. авт.)».

С другой стороны, все политические деятели Казахстана, будь то Ерлан Карин или Ермухамет Ертысбаев, выступившие против форсированного создания евразийского парламента, не отрицают необходимость евразийской экономической интеграции и дальнейшего наращивания взаимодействия в рамках Межпарламентской ассамблеи ЕврАзЭС. И в этом вопросе значительных расхождений во мнениях сторон нет.

К сожалению, заочный диалог между казахстанскими и российскими чиновниками не всегда удается наладить в нормальном режиме. Для эффективного ведения этого диалога зачастую просто не хватает модераторов. Но если мы внимательно прислушаемся друг к другу, выяснится, что точек соприкосновения и возможностей для взаимодействия в наших позициях гораздо больше, чем принципиальных расхождений.

(Якушева Ю. Казахстан и интеграция: когда доводы разные, а цель одна... // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14458/>). – 2012. – 25.10).

Премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган в ходе визита в Германию подтвердил желание своей страны стать членом Европейского Союза: «Мы готовимся к тому, чтобы стать полноправным членом ЕС». При этом Эрдоган педалировал на хорошо известные и ранее не раз озвучиваемые турецкими политиками так называемые технические аргументы. Их главный смысл: после экономического кризиса 2001 года в стране идет подъем экономики, восстановлена платежеспособность бюджета, погашены долги перед Международным валютным фондом. То есть, Турция сейчас находится в лучшей форме, чем многие страны ЕС, и, по словам Эрдогана, «она не станет бременем для Европы».

Турция впервые постучалась в двери объединенной Европы еще в 1959 году. Но только в 2005 году начался новый переговорный этап о членстве Турции в ЕС, который в 2009 году практически зашел в тупик. Сейчас 18 переговорных позиций заморожены – восемь по инициативе ЕС, десять – по инициативе Кипра и Франции. Евросоюз постоянно выставляет перед Турцией набор требований, список которых меняется, изменяются цели переговоров. В итоге судьба Турции так и останется неопределенной. Кстати, канцлер Германии Ангела Меркель, к которой публично апеллировал в Берлине Эрдоган, ранее вместе с президентом

Франции Никола Саркози высказывалась против приема Турции в Евросоюз, предоставив ей только статус «привилегированного партнера ЕС». Да и сейчас в Брюсселе сильными остаются позиции тех политиков, которые считают, что «нужно прекратить давать Турции пустые обещания, вместо этого необходимо сконцентрироваться на создании общего экономического и культурного пространства с этой страной». Но все претензии фактически сводятся к одному: Турция – не европейская страна, никогда ею не была и вряд ли сможет ею стать. (...)

По словам английского политолога Джона Кровлея, никто не знает, к чему на самом деле приведет процесс «переоценки Европы и найдется ли в «новой» Европе место для Турции». Именно в таком контексте, видимо, и следует воспринимать «европейские тезисы» Эрдогана, имеющие зондажный характер.

Есть ли у Турции альтернатива ЕС? Недавно *главой МИД Турции Ахмедом Давудоглу* была озвучена идея сформировать в Евразии аналог Европейского союза. Она во многом перекликается с проектом создания Евразийского экономического союза, с которым выступил и глава России Владимир Путин, но только внешне. Фактически Турция готовится к осуществлению в Евразии интегрирующего контрпроекта. По мнению *доцента факультета международных отношений Университета экономики и технологий (ТОББ Анкара) Тогрула Исмаила*, Анкара серьезно обеспокоена последствиями дезинтеграционных процессов в Европе, поскольку это скажется на ее экономических планах. Сегодня вложения стран ЕС в Турцию составляют 77,4 % от всех зарубежных инвестиций.

«Мы молодая и динамично развивающаяся страна, и мы намерены оставаться такой же страной, – говорил Эрдоган в Берлине. – В 2023 будет отмечаться 100 лет современной Турции. До тех пор мы должны войти в десятку сильнейших экономических держав в мире». Но в Европе обеспокоены другими процессами. Как заявляют социологи, если демографическая динамика в Турции останется на нынешнем уровне, то всего через 15 лет она будет иметь самое большое население на континенте и «поглотит Европу без оружия». Опросы показывают, что против присоединения Турции выступает большинство немцев (57 %) и французов (62 %). Голландцы и австрийцы тоже отрицательно относятся к этой возможности. (...)

(С. Тарасов: Турция готовит свой проект создания экономического союза в Евразии // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14501/>). – 2012. – 02.11).

8 ноября на площадке ИАЦ МГУ состоялся экспертный круглый стол «Казахстан и Россия в евразийском интеграционном проекте». Во

встрече приняли участие ведущие казахстанские и российские эксперты, ученые и политические деятели. В центре внимания участников дискуссии находились проблемы и перспективы взаимодействия Россия и Казахстана в рамках ТС и ЕЭП.

Главным спикером круглого стола выступил *известный государственный деятель Республики Казахстан, Советник Президента РК по политическим вопросам Ермухамет Ертусбаев*.

Опровергая наличие напряженности в отношениях Казахстана и России по вопросу развития евразийского проекта, Советник Президента охарактеризовал взаимодействие двух государств как «образцовое», подчеркнув, что наша общая цель – **дальнейшая интеграция и создание к 2015 году Евразийского экономического союза**.

Затрагивая вопрос о формировании Евразийского парламента, Ермухамет Ертусбаев призвал не спешить с созданием наднациональных органов до тех пор, пока не будет налажена эффективная работа Таможенного Союза. Советник Президента отметил, что в перспективе вопрос о создании наднациональных органов Евразийского проекта может решаться в формате Евразийской парламентской ассамблеи.

Однако когда именно будет создан такого рода орган и как будут организованы выборы в него, пока говорить преждевременно. «Главное – соблюдать принципы этапности и добровольности. Наш Союз должен созреть для такого рода решений» – отметил Ермухамет Ертусбаев.

По мнению Ермухамета Ертусбаева, успешное продвижение интеграционных инициатив невозможно без поддержки бизнес-сообщества двух стран. Между тем, для всего постсоветского пространства характерно, что инициатива всегда исходит от государственного аппарата, «который довлеет над бизнесом». «Настало время и в России и в Казахстане по-настоящему, не на словах, а на деле, отделить государство от бизнеса и дать предпринимателям широкое поле для деятельности в создании Евразийского союза. И тогда, я уверен, дело пойдет намного лучше», – подчеркнул Ертусбаев.

(Ермухамет Ертусбаев: Вектор на евразийскую интеграцию – приоритет для Казахстана // Информационно-аналитический центр <http://www.ia-centr.ru/expert/14552/>). – 2012. – 09.11).

(...) *Советник президента Казахстана Ермухамет Ертусбаев.*
(...) Я сегодня был в Московском государственном университете, выступал на историческом факультете, на Круглом столе, посвященном теме Евразийского союза и испытывал глубокое удовлетворение от

того, что именно в МГУ в марте 1994 года наш Президент Нурсултан Абишевич Назарбаев впервые высказал идею Евразийского союза, и по истечении 15 лет его идея претворяется в жизнь. Таможенный союз работает уже 2 года, а с 1 января, как Вы знаете, заработало Единое экономическое пространство. Результаты впечатляющие. Только за 9 месяцев этого года на 40 млрд долларов увеличился совокупный товарооборот Белоруссии, России и Казахстана. В процентном соотношении это на 111 процентов больше по сравнению с 2011 годом. То есть, стоило только убрать административные барьеры, ввести единый таможенный тариф, открыть 170-миллионный рынок для российского бизнеса, для белорусского, для казахстанского, и моментально бизнес-сообщество начало активно работать в этом направлении. Конечно, возникают и проблемы. Это проблема конкурентоспособности товаров, есть проблема демпинга, проблема остатков административных барьеров, но Таможенный союз работает, и он очень привлекателен. Я был в странах Восточной Европы: в Чехии, Венгрии, Польше, и местные бизнесмены с очень большим интересом смотрят не в сторону Европейского союза, а в сторону Таможенного союза. Поэтому идея наших двух Президентов, которая, кстати, получила мощную электоральную поддержку в апреле прошлого года в Казахстане (одним из важных пунктов предвыборной программы нашего президента была интеграция) и, насколько мне известно, Владимир Путин в своей предвыборной программе особенно акцентировал внимание на этом, и продолжает работу в этом направлении. Поэтому наши народы хотят интегрироваться, бизнесмены хотят работать. Я думаю, перспективы Евразийского союза, который к 2015 году оформится, достаточно хорошие. (...) Евразийский экономический союз, прежде всего, экономический, это мнение и руководства страны, и государственно-политической элиты, и Парламента. Мы не должны повторять ошибок прошлого, когда политика шла впереди экономики. Когда мы во главу угла поставим экономическую эффективность, взаимовыгодное сотрудничество, повышение благосостояния народа, и все это Таможенный союз и будущий Евразийский союз даст, тогда этот проект станет очень привлекательным и для других стран. Недавно «Российская Бизнес-газета» провела социологический опрос, причем примерно 15 тысяч респондентов было охвачено в Армении, Грузии, Украине, Молдавии и других постсоветских странах. Больше половины опрошенных очень позитивно относятся к Таможенному союзу и хотели бы видеть свои страны в нем. Поэтому еще раз хочу подчеркнуть, будущий Евразийский союз будет конкурентоспособным.

Поставлены конкретные сроки: 2015 год, и, я думаю, к этому времени он окончательно сформируется. Я знаю, что сейчас и Кыргызстан, и Таджикистан очень хотят вступить в Таможенный союз, но для этого существует определенная процедура. Еще раз подчеркну, что только интегрируясь, мы сможем быть конкурентоспособными на международной арене. (...) В России и Казахстане (все-таки мы имеем Единое экономическое пространство) назрела вторая волна приватизации (первая была проведена в 90-е годы), потому что вновь непомерно возросла роль государства в рыночной экономике, вторжение государства в различные сферы жизнедеятельности рыночного механизма. Есть закон о конкуренции в России и в Казахстане, который ограничивает вмешательство государства в экономику, а это вмешательство, кстати, питательная почва для той же коррупции, нарушения законов, и предприниматели в этой ситуации не в состоянии конкурировать с крупными национальными государственными компаниями. Поэтому надо посмотреть российские и казахстанские законы, и строго ограничить вмешательство государства в рыночную экономику. Предоставить широкое поле для деятельности бизнес-сообществ России, Казахстана, Белоруссии. Мне представляется, что главным человеком в Евразийском союзе должен быть не чиновник. Не сверху должен создаваться Евразийский союз, а снизу, человек труда, человек предприимчивый, предприниматель должен быть главным лицом Евразийского союза. (...)

Наш президент выступал на турецко-казахстанском бизнес-форуме, и 99 процентов времени он посвятил пропаганде привлекательности Таможенного союза, приглашал турецкий бизнес принять активное участие в сотрудничестве с Таможенным союзом. Что касается его оценок давно ушедшей исторической эпохи, то я вам как историк скажу, что начиная с 1721 года официальным названием российского государства было Российская империя. И если вы посмотрите в Большую советскую энциклопедию, или зайдете в нынешнюю Википедию, вы найдете такие определения, как «российская колониальная политика», «российская территориальная экспансия». Вообще русское централизованное государство создавалось постоянным расширением, как говорили российские политики того времени, оно стремилось к достижению своих естественных границ. И словосочетание «Российские владения в Средней Азии», не мы придумали. Поэтому, мне кажется, надо спокойно относиться к оценкам давно ушедшей исторической эпохи, и жить настоящим и будущим. Самое главное, что сейчас российско-казахстанские отношения, с точки зрения двусторонних отношений,

самые идеальные в мире. Нет в мире других двух стран, которые бы так добрососедски, так эффективно сотрудничали, как сейчас Россия и Казахстан. И наш президент все 20 лет независимости говорил, что Россия – это стратегический партнер номер один, и то, что Казахстан достиг очень больших успехов в рыночных реформах, то что у нас 85 млрд долларов в национальном фонде, – это благодаря добрососедским, братским отношениям с Российской Федерацией. Я думаю, этот вопрос лучше оставить профессиональным историкам, а нам, политикам, журналистам, общественности ценить и цементировать то важное и лучшее, что есть в наших отношениях.

(Ермухамет Ертусбаев: народы России и Казахстана хотят интегрироваться // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14556/>). – 2012. – 10.11).

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) составила условный антирейтинг стран, применяющих ограничительные меры против товаров Таможенного союза (ТС). На первом месте оказались Евросоюз и США, на втором – **Украина, замыкает тройку Узбекистан. Сколько недополучает ТС в результате такого притеснения, сейчас подсчитывается. (...)**

Всего по отношению к странам ТС применяется 105 ограничительных мер, большая часть из которых (44) являются антидемпинговыми (также 13 приходится на акцизы, 12 – на санкции экономического характера, по 5 – на административные барьеры и дополнительные сборы, 4 – на квотные ограничения и др.). На долю стран дальнего зарубежья приходится около 62 % ограничений. Лидерами являются страны ЕС и США (по 18 мер).

К примеру, ЕС применяет антидемпинговые меры (всего 6) в отношении трубной, химической продукции, запрещает ввоз шкур рыси и волка, а также ограничивает поставку зерновых, текстиля и товаров ядерного цикла. Немало проблем для стран ТС создает и необходимость регистрации в Европейском химическом агентстве продукции (система REACH).

США применяют экономические санкции (8 мер) к белорусским товарам, антидемпинговые меры в отношении химической и металлургической отраслей России и Белоруссии, а также значительно ограничивают импорт оружия из России. Не менее негативный эффект на товары ТС оказывают и ограничения, применяемые Индией (8 мер в отношении химической продукции) и Китаем (6 мер, также в основном химическая продукция).

На страны СНГ приходится 38 % ограничительных мер. Ближайшая российская соседка Украина применяет 16 мер, 10 из них – антидемпинговые (в отношении древесноволокнистых плит, стекла, мета-

нола и др.). Не меньше препятствий чинит и Узбекистан, применяющий чуть меньше ограничений, чем Украина (всего 15 мер). Однако Узбекистан применяет дискриминационные акцизы в отношении более чем 400 товарных позиций (мука, кондитерские, мясные и колбасные изделия, растительные масла, сахар, пиво). Так, к примеру, для молочной продукции стран ТС установлен акциз в размере 70 %, колбасных изделий – 30 %.

Помимо прочего, Узбекистан применяет довольно большое количество административных мер воздействия. Так, на территории страны конвертация валюты в СКВ (свободно конвертируемая валюта) задерживается в среднем на срок от 3 до 12 месяцев, при этом получение потребительских кредитов возможно только для приобретения товаров местного производства. По экспертным оценкам, из-за валютной проволоочки экспортеры сильно проигрывают финансово (в среднем на 10-12 % меньше возможного дохода).

Жалуются и сами участники рынка. «Узбекистан в целом имеет особые подходы, там довольно жесткая система защиты внутреннего рынка. И мы получаем жалобы от членов нашего союза», – говорит председатель правления Национального союза производителей молока Андрей Даниленко. По его словам, различные ограничительные меры также активно вводят Азербайджан, Грузия и Армения, из западных стран – ЕС. «Даже спорный вопрос, кто больше препятствий чинит – ЕС или Узбекистан», – добавляет г-н Даниленко.

Подсчет недополученного дохода ТС вследствие применения различных ограничительных мер сейчас проводится, говорит министр по торговле ЕЭК Андрей Слепнев. По его словам, только от украинских ограничительных мер в торговле ущерб для ТС составляет порядка 200 млн долл. в год. Всего на данный момент проводится 7 расследований (5 антидемпинговых, 1 специальное защитное, 1 в отношении установления дискриминационных действий).

Впрочем, количество ограничений должно уменьшиться из-за вступления России в ВТО. Например, антидемпинговую меру США (пошлины в размере 253,98 %) в отношении той же аммиачной селитры можно будет оспорить, говорит *аналитик Raiffeisenbank* **Константин Юминов**. Также США обещали отменить после президентских выборов и поправку Джексона-Вэника.

Ряд споров действительно можно урегулировать на площадке Женева, соглашается *вице-президент «Деловой России»* **Виталий Сурвилло**. Однако механизм урегулирования торговых споров в рамках ВТО долгий и занимает годы, добавляет эксперт.

(Синяева Ю. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) составила условный антирейтинг стран, применяющих ограничительные меры против товаров Таможенного союза (ТС) // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14703/>). – 2012. – 3.12).

Державний секретар США Гіларі Клінтон застерегла від нової спроби деспотичних урядів до «повторної радянізації» у країнах Східної Європи та Середньої Азії.

Таку думку пані Клінтон висловила в кулуарах щорічної конференції ОБСЄ щодо прав людини в Дубліні.

Особливу увагу держсекретар США звернула на Росію через придушення демократії та прав людини.

Виступаючи перед групою юристів і громадських активістів, Гіларі Клінтон звернула увагу на те, що тенденції свідчать про згортання свобод для громадян Росії, Білорусі, Туркменістану та інших країн, що виникли після розпаду Радянського Союзу два десятиліття тому.

«Існує перехід до повторної радянізації регіону», – сказала Гіларі Клінтон. За її словами, процес «повторної радянізації» може бути представлений під такими назвами, як «Митний союз» і «Євразійський союз».

«Не можна допустити помилку. Ми знаємо, що є метою, і ми намагаємося знайти ефективний спосіб уповільнити або запобігти цьому процесу», – заявила Гіларі Клінтон.

(Клінтон заявляє про «повторну радянізацію» під назвою Митний союз // Бі-Би-Сі (http://www.bbc.co.uk/ukrainian/news_in_brief/2012/12/121206_ek_clinton_re-soviet.shtml). – 2012. – 06.12).

Владимир Путин оглашает ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию.

Сегодняшнее Послание Федеральному Собранию президента Владимира Путина детально анализируется в поисках ответов на вопросы о том, как он предполагает защитить «национальную и духовную идентичность» России, укрепить экономику и вооруженные силы, и что (если вообще что-то) он собирается делать с засильем коррупции в стране.

Но особый интерес для тех, кто следит за событиями в Центральной Азии, представляют два момента из его выступления.

Граждане бывших советских республик больше не въедут в РФ без загранпаспортов, заявил Путин где-то посередине своего выступления:

«У нас до сих пор существует практика, когда граждане отдельных

государств СНГ въезжают в Российскую Федерацию по своим внутренним паспортам. [...] Ведь в таких условиях, когда въезжают граждане других стран по внутренним паспортам, обеспечить эффективный миграционный контроль практически невозможно. Считаю, что не позднее чем в 2015 году въезд в Россию должен быть разрешен исключительно по заграничным, а не внутренним паспортам других стран». (...)

Таким образом, к 2015 году миллионам мигрантов из Центральной Азии и Кавказа, отправляющимся на заработки в Россию, придется преодолевать еще одно препятствие на своем пути.

Однако уже через несколько минут Путин заговорил об исключении из этого правила:

«При этом в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства будут, безусловно, действовать прежние ... режимы, максимальные упрощенные правила пересечения границы и нахождения на территории стран – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства».

Таможенный союз, образованный в 2010 году Беларусью, Казахстаном и Россией, называют «облегченным вариантом Советского Союза», призванным подтолкнуть его членов к новому «Евразийскому союзу», в котором они могут лишиться некоторых элементов своего суверенитета. Всем этим будет, естественно, заправлять Москва как крупнейшая экономика Таможенного союза. Другие крупные постсоветские государства – такие как Украина и Узбекистан – пока не проявили особого интереса к данному проекту.

Так что с кого же еще начинать расширение, как не с беднейших малых постсоветских независимых государств, а именно Кыргызстана и Таджикистана? Оба они весьма и весьма зависят от денежных переводов своих трудовых мигрантов, работающих в России. В прошлом году в Таджикистане эти переводы составили сумму, эквивалентную 47 процентам ВВП, в Кыргызстане – 29 процентам ВВП.

Другими словам, ни у того, ни у другого нет иного выхода.

Кыргызстан и Таджикистан выразили интерес к вступлению в союз, хотя дальнейшая интеграция с Россией, вероятно, будет осуществляться в ущерб торговле с другими странами. Это делает вопрос о Таможенном союзе особенно неоднозначным для Бишкека, активно торгующего с Китаем.

Этим своим далеко не тонким намеком Путин ясно дал понять, что выбор у Центральной Азии ограничен.

(Путин «тонко» намекает Центральной Азии: вступайте в Таможенный союз // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14776/>). – 2012. – 14.12).

Євразійський проект в баченні аналітиків

Казахстан может служить примером для большинства стран СНГ в области последовательной реализации шагов по модернизации государственной социальной политики, считают эксперты, обсудившие в понедельник данную проблему в рамках организованного РИА Новости видеомоста Москва-Астана «СНГ: новые тренды социальной политики».

При этом участники дискуссии отметили в качестве одной из основных проблем, замедляющих проведение модернизации, «социальную инфантильность» населения большинства стран постсоветского пространства.

Участовавший в дискуссии директор Информационно-аналитического центра по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве МГУ им. М. В. Ломоносова **Алексей Власов** в ходе мероприятия представил экспертный доклад «Социальная модернизация в Казахстане: проблемы и перспективы».

«По многим параметрам Казахстан опережает не только своих соседей по Центрально-Азиатскому региону, но и в ряде случаев, по определенным позициям, опережает и партнеров по Евразийскому интеграционному процессу, в частности Белоруссию», – считает Власов.

«Казахстан изначально с первых этапов экономических реформ отталкивался от знаменитой назарбаевской формулы – «сначала экономика, затем политика», – отметил эксперт. (...)

По мнению Власова, одним из главных препятствий успешной социальной модернизации в Казахстане является социальный инфантилизм населения. Говоря о данной проблеме, эксперт вновь обратился к программному обращению Назарбаева, «Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда», где глава государства активно поднимал этот вопрос.

Эксперт считает, что успешная социальная модернизация в Казахстане будет проведена в случае преодоления социального инфантилизма, то есть целью реформ является достижение такого состояния, при котором любой человек должен осознать свое место и роль в обществе. (...)

Подводя итоги телемоста, заместитель исполнительного директора Политологического центра «Север-Юг» Юлия Якушева отметила, что в настоящее время остро стоит вопрос о создании единой модели социальной модернизации в странах СНГ и Евразийского союза.

«Мне кажется, сейчас более реально говорить о социальной модернизации не столько для СНГ в целом, сколько для будущего Евразийского союза, поскольку, если мы говорим о формировании Евразийского союза как о большом проекте, то важной составляющей этого проекта долж-

на стать социальной политика. Так или иначе, синхронизация экономик предполагает и синхронизацию социальных систем», – считает Якушева.

По ее мнению, обращение к социальной сфере евразийского проекта поможет решить две главные задачи.

«Во-первых, через объединение потенциалов и обмена опытом решить проблемы, стоящие перед национальными социальными системами. Во-вторых, в рамках большого евразийского проекта создать евразийский стандарт качества жизни, по примеру европейского социального стандарта», – заявила Якушева.

При этом эксперт отметила, что каждая из этих задач ограничена рядом проблем. В частности, существует расхождение в моделях социального развития РФ, Казахстана и Белоруссии.

В свою очередь, Власов заявил, что, по его мнению, социальная модернизация должна стать основной задачей для всех организаций постсоветского пространства. «Любой интеграционный проект на постсоветском пространстве, будь то ШОС, будь то союзные государства Россия и Беларусь, но, в первую очередь, евразийский интеграционный проект, работал бы на задачи социальной модернизации», – заявил Власов в ходе видеомоста.

(Власов А. Казахстан может служить примером для СНГ в социальной модернизации // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14437/>). – 2012. – 23.10).

Уже в ближайшие годы Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), куда помимо России входят Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан, может превратиться в Евразийский союз – аналог Европейского союза. Член научного совета Московского центра Карнеги **Андрей Рябов** рассказал, при каких условиях интеграция на постсоветском пространстве будет успешной, с какими государствами России стоит или не стоит объединяться и почему можно считать успешным сотрудничество России и Белоруссии.

– Зачем России Евразийский союз?

– Потому что фактически перестало существовать Содружество независимых государств. СНГ являлось инструментом развода республик бывшего СССР, а развод уже закончен, и СНГ находится в процессе умирания. Россия же пытается сохранить за собой роль независимого полюса силы в современном мире. С каждым годом это делать все сложнее – ресурсы становятся ограниченными. Объединение с соседями – это дополнительная возможность проводить независимую внешнюю политику. Логика руководства страны: мы должны создать союз, в котором Россия будет играть доминирующую роль, и ЕврАзЭС дол-

жен помочь укрепить нас самих за счет интеграции. Причем при такой интеграции, которая позволяет опираться на ресурсы других стран и играть в этих государствах главенствующую роль.

– Насколько эта интеграция реальна?

– Сейчас реальна. Сейчас у России уникальная возможность выступить в качестве интегратора бывших советских республик. Конкуренты России – Евросоюз, США и Китай – снизили свой интерес к доминированию на постсоветском пространстве. Ни один из этих глобальных игроков не может выступить в роли локомотива развития для стран СНГ. Они преследуют свои частные и ограниченные цели. К тому же среди бывших советских республик нет успешных проектов национальных государств. Обеспечить стабильное развитие не удалось ни одной стране. Вместо этого там образовалась несменяемая властная элита, тесно сросшаяся с собственностью, или элита, которая хочет стать несменяемой. Везде мы видим замедление социальной динамики и огромные толпы мигрантов, вынужденные покидать свои родные страны в поиске заработка. Другим странам нечего предложить для интеграции. Россия остается единственной страной, которая может провести интеграционный процесс.

– Что может этому помешать?

– Для любой интеграционной инициативы необходимо опираться на привлекательный социальный проект. Евросоюз получил свою привлекательность за счет особого европейского социально-экономического порядка, высокой социальной защиты, гуманизации социальных отношений. Современная же Россия с ее нынешней экономической моделью подобным ориентиром быть не может. Несмотря на то, что наша страна привлекает огромное количество гастарбайтеров, соседние страны вряд ли будут стремиться создать с ней прочное объединение наподобие ЕС. Сейчас ЕврАзЭС рассматривается как бюрократический проект. Высокопоставленные бюрократы договорились и создали евразийскую комиссию. Еще необходимо решить множество экономических проблем, а они уже думают, как создать евразийский парламент. Для чего? Ведь еще нет ни идеологии, ни заинтересованности крупных частных компаний. На данный момент в ЕврАзЭС входят только чиновники и государственные компании. Если не будет частного капитала, это объединение останется неустойчивым.

– Не все страны СНГ охотно вступают в ЕврАзЭС. Например, Украина туда не собирается. Ее можно привлечь?

– Это сложно. Как правило, подобные объединения создаются для стран с одинаковым уровнем развития. Россия, Казахстан, Белоруссия

еще подходят для интеграции. Киргизия и Таджикистан, напротив, stanno «гириями». Я не уверен, что и вступление Украины принесет какую-то пользу. Проблема в том, что на постсоветском пространстве больше нет стран, которые подходили бы для объединения. При интеграции эти страны должны помогать друг другу развиваться. Пока же выгода для стран-участниц не доказана. Даже России это невыгодно, потому что налоговый режим в Казахстане более либеральный. К тому же политические элиты до конца еще не определились, чего они хотят добиться от интеграции. Единственный способ продвижения этой идеи – преобразование Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана в единую экономическую систему. Ближайшие два года покажут, насколько это удалось.

– Вы писали, что «интеграционные проекты могут стать успешными лишь при широком национальном консенсусе всех стран». Как в ЕврАзЭС обстоят дела с этим консенсусом?

– На ближайшее время я этого консенсуса не вижу. Отсутствуют идеи, обращенные в будущее. На сегодняшний момент это союз стран, которые не нашли себя в других формах интеграции. Раз не получилось объединиться с кем-то еще, приходится создавать ЕврАзЭС. На таких идеях прочные союзы не создаются. Прежде всего, нужен какой-то образ будущего, необходимы экономические расчеты для того, чтобы странам было выгоднее создавать свой общий рынок, чем глядеть в сторону каких-то третьих субъектов. Как бы ни ругали российско-белорусский союз, там много сделали для сближения стран: фактически создан российско-белорусский «шенген». У граждан есть возможность свободно передвигаться, поступать на учебу, на работу. Но экономические и политические системы России и Белоруссии по-прежнему разные. (...)

– Никто не знает, как ситуация сложится через полгода. Посмотрим, как Россия пройдет кризис, сможет ли оказать помощь Белоруссии или Казахстану. Или ресурсы у нашей страны сократятся настолько, что вложения в интеграцию закончатся.

– Вы предлагали российскому правительству работать с общественным мнением как в нашей стране, так и в странах-партнерах. Сейчас народам этих стран нужен ЕврАзЭС?

– В нынешнем виде – не нужен. Никто со стороны властей не работает с общественным мнением. Я думаю, что значительная часть общества имеет смутное представление о ЕврАзЭС. Любая серьезная внешнеполитическая инициатива должна опираться на поддержку общественного мнения.

– Как дальше будут складываться отношения между государствами-участниками?

– По-прежнему продолжится сближение России и Белоруссии. Пример – начавшаяся, пусть с большим трудом, приватизация ключевых активов белорусской экономики. Отношения же с Казахстаном остаются под большим вопросом. Политические круги двух стран – России и Казахстана – еще не выработали для себя четкое понимание, зачем нужна им эта интеграция. Этот вопрос повис в воздухе. Казахстан вступил в ЕврАзЭС на всякий случай, по принципу «может, потом пригодится».

(Карев А. «Для любой интеграции необходим привлекательный социальный проект» // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14426/>). – 2012. – 23.10).

Проблему интеграции Кыргызстана в Таможенный союз и другие евразийские объединения помогут решить социальная направленность реализуемых проектов, идеологическое и информационное обеспечение, а также продуманная молодежная политика. Такое мнение выразил *директор Информационно-аналитического центра по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова* **Алексей Власов**, выступая 23 октября в Бишкеке на круглом столе «Вопросы интеграции Кыргызстана в Таможенный союз. Проблемы и пути их решения». (...)

«В процессе интеграции Кыргызстана в Таможенный союз есть три момента, на которых необходимо сосредоточить свое внимание. Первое, это социальное измерение. Второе, информационное и идеологическое обеспечение интеграционного процесса. И третье, молодежная политика. Я оставляю экономику целиком на растерзание тем, кто профильно занимается этими вопросами. А свое мнение я хотел бы высказать по этим трем компонентам.

Во-первых, если спикеры, выражающиеся от имени структур, продвигающих евразийскую интеграцию, не начнут концентрировать внимание на преимуществах проектов для простых граждан Кыргызстана, Армении, да даже и граждан тех стран, которые уже входят в евразийские проекты (Беларусь, Казахстан, Россия), то я очень сильно сомневаюсь, что поле общественной поддержки в ближайшее время удастся расширить.

Мы четко видим на примере Казахстана, что главная проблема в том, что вся риторика идет на макроэкономическом уровне. А собственно говоря, гражданское общество не понимает, какие конкретно преференции получают представители малого и среднего бизнеса или малообеспеченных слоев населения от вступления или участия страны в евразийских интеграционных проектах. С этими цифрами, подроб-

ными раскладками в публичной сфере фактически никто не выступает.

Если мы послушаем выступления ведущих специалистов, экспертов и чиновников в сфере евразийской интеграции, то поймем, что в основном речь идет о макроэкономических показателях, ВВП, увеличении объемов торговли, более оптимальном распределении таможенных пошлин, поступающих в бюджет, и так далее.

Если мы говорим о том, что Кыргызстан в будущем намерен присоединиться к экономике евразийского интеграционного проекта, то здесь стоит совершенно другая задача. Тогда надо говорить, а готов ли Кыргызстан к тому, чтобы менять законодательство и в сфере налогов, и в сфере отношений государства и бизнеса. То есть огромный комплекс вопросов встает, которые практически не освещаются.

И здесь моя позиция такая: все стороны, заинтересованные в том, чтобы ускорить процесс вступления Кыргызстана в ТС и ЕЭП, сохранив при этом достаточно широкую общественную поддержку, должны делать упор именно на социальную сторону. Нужно доносить до каждого жителя Кыргызстана, какие именно преференции получит каждая кыргызская семья.

Если таких разработок сейчас не существует, значит, нужно создавать социальные гранты, которые давали бы возможность коллективам и в России, и в Кыргызстане исследовать и публиковать материалы, касающиеся этих вопросов. Здесь стоит задача подключать к этому гражданское сообщество, неправительственный сектор. Потому что если мы доверимся только чиновникам по интеграции, то эта работа будет сделана качественно, но она будет сделана в том профиле, который выгоден конкретно министерству или департаменту министерства. Но широкий подход таким путем не обеспечивается. Эта первая задача интеграции.

Вторая задача – идеология и информационное обеспечение. Что говорить, если в Армении, которая является ближайшим союзником России на Южном Кавказе и которая тоже рассматривает вопросы взаимодействия с Таможенным союзом, на центры, занимающиеся европейской интеграцией, выделяются информационные бюджеты до 500 тысяч евро в год. А мы практически не имеем информационных каналов и ресурсов, которые бы направленно занимались определением идей евразийского интеграционного проекта ни со стороны России, ни со стороны Казахстана, ни со стороны Беларуси.

Что удивляться, если, по сути, отсутствуют эффективные, профильно работающие телеканалы, отсутствует брендинг, с которым была бы связана идея евразийского проекта.

Саакашвили (президент Грузии Михаил Саакашвили. – vb.kg) не

привел Грузию в Евросоюз. Но на каждом его выступлении рядом с флагом Грузии между прочим стоял флаг Европейского союза, потому что он внедрял в сознание населения идею, что Грузия – часть Европы. А кыргызские политики выступают с какими флагами? Но даже если бы они хотели выступить с флагом Евразийского союза, то какие бы символы, какие знаки, какие бренды они могли бы продвигать на кыргызском информационном поле? Это очень серьезный вопрос, и с ним связаны вопросы идеологии. Мы говорим: «Мы евразийцы!». А кто мне может ответить на вопрос, а какие ценностные ориентиры будут положены в основу общей идеологии Беларуси, Казахстана, России и Кыргызстана, когда они объединятся, дай Бог, к 2015 году в рамках Евразийского экономического союза?

Европейские ценности фундаментально формировались на протяжении нескольких столетий. У нас есть общее прошлое. Но в условиях распада Советского Союза и идеологизации государственной политики во всех странах мы так и не сформировали общих ценностных ориентиров. По сути, мы держимся на общем советском прошлом и общей симпатии, которая осталась от старшего и среднего поколений.

Мы понимаем, что в Кыргызстане есть запрос на интеграцию с Россией. Но этот запрос нужно поддерживать, его нужно расширять. А без идеологии, без общих ценностных мотиваций и ориентиров это будет делать крайне сложно. И это вторая задача, которую, на мой взгляд, нужно обсуждать отдельно на экспертном уровне. (...)

И последнее – молодежный тренд. Опрос общественного мнения показывает, что при примерно пятидесятипроцентном уровне поддержки интеграционных явлений в тех странах, которые еще не являются государствами евразийского интеграционного процесса, большая часть этой поддержки приходится на представителей среднего и старшего поколений. Молодежь чаще всего относится к интеграционной идее равнодушно. В некоторых странах, где активно работают грантовые программы ЕС и США, даже отрицательно.

Потому что в их сознание вдалбливается мысль, что евразийская интеграция – это противоположность идее европейской интеграции. Стоит вопрос: «Куда вы хотите двигаться? Или в демократическое будущее вместе с Европой. Или обратно в Советский Союз, возрождать империю под патронатом России». Это, конечно, искусственно формируемый тренд. Но кто ему противостоит? Какие молодежные программы, помимо, допустим, Молодежного экономического форума, мы можем предложить?

Здесь нужно работать, как мне кажется, прежде всего, в социальных

сетях. Потому что это иная форма коммуникаций, форма подачи материала. Молодежи не интересно сидеть за экспертным круглым столом. Но им интересно обсуждать эти идеи в формате новых социальных медиа. И здесь, конечно, нужно воплотить идею создания сети евразийских НПО и евразийской социальной сети, о которой много говорят, но мало делают.

В целом мы, как мне кажется, неверно понимаем один очень важный момент: выдвинув интеграционную идею, за нее нужно бороться. Ведь у некоторых депутатов и чиновников в России сформировалось представление, что сама по себе идея интеграции, предложенная нашим партнерам и соседям, сама по себе будет приносить какие-то дивиденды и предоставлять преференции. Ничего она приносить не будет! И дискуссии, которые идут в Казахстане, Беларуси, Кыргызстане по поводу будущего экономического пространства, показывают, что если мы не будем привлекать гражданский сектор по реализации социальных, молодежных и других проектов, то мы рискуем через 5-7 лет оказаться в ситуации, когда уровень поддержки снизится настолько, что евразийская интеграция останется проектом элит, а не широким общественным проектом».

(Денисенко Д. Алексей Власов: За интеграционную идею нужно бороться // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14456/>). – 2012. – 25.10).

Несмотря на все попытки лояльных экспертов в Москве и Астане сделать хорошую мину при плохой игре и старательно игнорировать взаимные выпады аналитиков и чиновников растиражированные в СМИ, необходимо посмотреть правде в глаза и признать, что никогда за последние несколько лет в медиапространстве не было столько взаимного негатива по вопросам взаимодействия РК и РФ в рамках Евразийской интеграции. (...)

Ну, например, можно предположить, что высказывания Гани Касымова не более чем «предупредительный выстрел», своеобразный месседж – есть определенные обстоятельства, которые вынуждают Ак Орду сменить тональность публичного обсуждения проблемы и выбрать более сдержанную риторику, что вовсе не означает отказ от дальнейшего развития интеграционного трека. Да и сам Гани Касымов подчеркивает, что он не является противником интеграции как таковой, а только лишь критикует тот формат диалога, который был выбран Москвой. (...)

Что касается грозных заявлений со стороны некоторых российских чиновников и депутатов, то в них гораздо больше рефлексий, нежели серьезной оценки происходящих в сфере Евразийской интеграции процессов. Не нужно забывать, что с возвращением Владимира Путина, ин-

теграционная парадигма стала доминантой в карьерных интересах многих российских управленцев, которые прежде даже не догадывались о том, что тема интеграции может быть столь выгодна в аппаратном отношении.

Отсюда и разочарование, граничащее с раздражением – казалось бы, все идет по накатанной, как вдруг возникают какие-то вопросы со стороны ближайших союзников и партнеров, которых в Москве воспринимают не иначе как «убежденных сторонников Евразийской интеграции». Отсюда плавно вытекают недоуменные вопросы, с чем связаны разногласия? а не американцы ли тут мутят воду?

Отвечать, похоже, никто толком не собирается, поскольку в тот момент, когда депутаты и чиновники с российской и казахстанской стороны собираются за столом переговоров, желание дискутировать почему-то мгновенно пропадает. (...)

На самом деле, эта ситуация представляется более опасной для перспектив интеграционного проекта, поскольку, чем меньше существует точек коммуникаций, тем больше возможностей для манипулирования большими проблемами и распространения взаимных рода страхов и фобий. (...)

(Рекеда С. Дума об интеграции – найдут ли общий язык Москва и Астана? // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14494/>). – 2012. – 31.10).

Заместитель декана исторического факультета МГУ имени Ломоносова (Россия, Москва) Алексей Власов прокомментировал в интервью К-News перспективы вступления Кыргызстана в Таможенный союз и другие общественно-значимые события в мире. (...)

Вступление Кыргызстана в Таможенный союз и дальнейшее развитие военно-политических контактов России с Бишкеком и Душанбе может привести к реформированию текущей ситуации, как в сфере безопасности, так и с позиции социальной устойчивости Кыргызстана и Таджикистана.

Безусловно, это процесс длительный, неизбежна адаптация Кыргызстана к условиям ТС, но, вне всякого сомнения, это очень серьезный шаг на пути модернизации кыргызской экономики. Это важный шаг и в психологическом плане. Элита отказывается от политики бесконечного лавирования и выбирает определенную четкую модель дальнейшего развития.

Если Кыргызстан не войдет в Таможенный союз, то для России, Казахстана и Белоруссии это решение не будет судьбоносным, но потери на перспективу, которые понесет Кыргызстан, будут, на мой взгляд, более значимыми. (...)

Я убежден, что присутствие России в регионе имеет в настоящий момент положительную динамику. Президент Владимир Путин пред-

ложил сразу несколько треков, по которым можно развивать стратегическое партнерство со странами ЦАР: Евразийский экономический союз, общая стратегия безопасности, трудовая миграция, борьба с наркотрафиком и религиозным экстремизмом.

Причем это разноуровневая стратегия, к которой можно присоединяться в разных форматах. Если Казахстан уже сейчас является ключевым элементом евразийской интеграции, а Кыргызстан заявляет о готовности войти в Таможенный союз, то Туркменистан, например, по-прежнему дистанцируется от более тесного многостороннего взаимодействия, но готов развивать двухсторонние проекты.

Но все же последние соглашения между Москвой и Бишкеком, прежде всего в сфере военного сотрудничества, энергетики, гуманитарных миссий, показывают, что лед тронулся, и вполне возможно, что именно российская модель интеграции позволит решить застарелые проблемы региона, прежде всего в сфере использования водно-энергетических ресурсов. (...)

К сожалению, именно соединение форм религиозного и социального протеста может в будущем угрожать стабильности большинства государств региона. То же самое касается межэтнических конфликтов. К решению этого комплекса противоречий необходим системный подход, без которого преодолеть растущие угрозы будет практически невозможно. Здесь опять-таки сотрудничество с Россией может играть позитивную роль, поскольку интеграция, объединение потенциалов делает страны более сильными, устойчивыми к любым вызовам современного мира.

(Фролов Р. Алексей Власов: Если Кыргызстан не войдет в Таможенный союз, то для России это решение не будет судьбоносным // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14535/>). – 2012. – 07.11).

ИАЦ МГУ: С чем, по-вашему, связано желание казахстанских политиков и экспертов обменяться мнениями со своими российскими коллегами?

Юлия Якушева: Прежде всего, потому, что интеграционная составляющая не может ограничиваться только бюрократической работой, как, например, деятельностью Евразийской Экономической Комиссии. Неизбежно в повестку дня входят и вопросы идеологии, и проблемы политических надстроек над проектом Экономического Союза, и гуманитарные миссии.

Создается впечатление, что возникли определенное разночтения в Москве и Астане, касающиеся динамики интеграционного проекта. Кремль в каких-то вопросах искренне полагает, что Астана «пригораживает», а в Ак Орде также искренне убеждены, что некоторые

«обиды» со стороны Москвы ничем не обоснованны. Есть документ, определяющий формат действий в рамках ЕЭП, и пока что Казахстан действует строго в рамках уже достигнутых договоренностей. (...)

Инициатива отдельных чиновников или создание евразийских НПО пока что дело малореальное. Все контролируется гораздо более жестко. Почему? Да потому что есть опасения, что через создание политических надстроек Россия сможет навязать свою политику и ограничить независимость Казахстана. (...)

Я сейчас не обсуждаю, мнимые это страхи или реальные – не в этом дело. Проблема, скорее, в том, что изначально не была составлена развернутая дорожная карта, которая бы включала в себя не только блок экономических вопросов, но и дополнялась бы гуманитарным, идеологическим содержанием.

Потому что чем дальше мы будем строить экономический союз, чем отчетливее станет ясно, что без общих ценностей, мотивации, социокультурных ориентиров нам будет нелегко удерживать евразийское пространство в равновесии. Я подчеркиваю, что это моя точка зрения. И на встрече с господином Ертъсбаевым я постараюсь ее максимально четко обосновать.

ИАЦ МГУ: То есть иными словами вы считаете, что только лишь договоренности по экономическому блоку не способны обеспечить успех проекта? Как же тогда с прагматическими основами евразийской интеграции?

Юлия Якушева: На первом этапе мы, безусловно, должны отталкиваться от экономической составляющей. Но рано или поздно возникает ситуация, когда спектр проблем будет значительно расширен. Вот, например, возможное вхождение Кыргызстана в Таможенный Союз. Эта проблема, изначально связана с экономикой, но неизбежно из нее будут вырастать и вопросы социального характера, и разного рода психологические аспекты, ну, например, как убедить простых граждан Кыргызстана в том, что на первом этапе вхождения в Таможенный союз им придется перетерпеть неизбежные издержки, для ко-то-то даже угрозу разорения и без того не самого большого бизнеса. (...)

Значит, все-таки идеология, ценности более высокого уровня и более откровенный разговор на тему, зачем нам все это нужно. Именно с этих позиций приезд Ермухамета Ертъсбаева мне кажется очень важным событием в развитии экспертного диалога. Давайте, наконец, открыто скажем друг другу, в чем именно состоят наши опасения по поводу интеграционных перспектив и посмотрим, как именно можно эти сложности преодолеть, подчеркиваю на взаимовыгодной основе.

(Якушева Ю. В Казахстане евразийские инициативы воспринимаются сдержаннее... // Информационно-аналитический центр <http://www.ia-centr.ru/expert/14534/>). – 2012. – 07.11).

В издательстве «Росспэн» вышла книга председателя научного совета московского центра Карнеги Дмитрия Тренина «Post-Imperium: евразийская история», к которой автор размышляет о времени, прошедшем с момента распада советской империи вплоть до фазы трансформации постсоветского пространства в новое состояние.

Книга Дмитрия Тренина «Post-Imperium: евразийская история» начинается со следующего посвящения: «Петру Тренину-Страусову, тридцати лет, принадлежащему к первому свободному поколению россиян». Персональная «привязка», на мой взгляд, четко определяет круг адресатов, к которым, в первую очередь, обращена работа директора и председателя Научного Совета Московского Центра Карнеги. Это молодые люди, которые родились и прошли фазу взросления на стыке эпох. «Свободное поколение россиян» – это те, кто еще школьниками стали свидетелями крушения советской империи, сформировались как самостоятельные личности в ельцинско-путинской России и, видимо, застанут то счастливое, по мнению автора, время, когда в прошлое окончательно уйдут последние остатки «советскости».

Сам Дмитрий Тренин прямо пишет об этом: «Российской империи больше не будет – никогда. Проект, длившийся несколько столетий, попросту утратил импульс. ...Россия развернулась на 180 градусов – расширение сменилось «уходом в себя», а грандиозные общественные схемы уступили место мириадам личных планов отдельных людей».

Двадцати лет жизни общества в деидеологизированном пространстве может оказаться недостаточно для того, чтобы категорично утверждать – возврат в прошлое невозможен. Даже если бы оставшиеся страницы исследования автор посвятил проблемам, отвлеченным от современных российских реалий, то одной этой фразы было бы вполне достаточно для того, чтобы книга из категории «фундаментального научного исследования» перешла в разряд «актуальной» и «на злобу дня». Кажется, этим выводом Д. Тренин намеренно вызывает огонь на себя, в какой-то мере идет против течения, поскольку и на страницах печатных изданий, и особенно на телеэкране ныне в моде принципиально иная риторика.

Очевидно, что столь категоричное суждение неизбежно вызовет жесткую отповедь со стороны оппонентов директора Московского Центра Карнеги. Для них неожиданная реинкарнация евразийской идеи в канун нового президентства Владимира Путина – это и есть попытка обрести суть и смысл будущего России не в «частной жизни» или «обустройстве собственного дома», а в «собираании земель» и реализации нового грандиозного общественного проекта. Но только в иной,

как бы не «имперской» и как бы не «советской» версии.

Даже при наличии политической воли и достаточно высокого уровня общественной поддержки ресурсная база современной России недостаточна для того, чтобы реализовать в какой-либо форме новый имперский (постимперский) проект. (...)

Но спорить с автором «Post-Imperium» – задача крайне непростая. Выводы Д. Тренина основаны на прочном фундаменте фактов. И там, где сторонники возрождения амбиций для «нового российского (евразийского) проекта» будут пытаться апеллировать к эмоциональной стороне проблемы, в качестве главных аргументов автором будут представлены логические цепочки, из которых вытекают очевидные ответы на сложные вопросы.

Все действительно просто – даже при наличии политической воли и достаточно высокого уровня общественной поддержки ресурсная база современной России недостаточна для того, чтобы реализовать в какой-либо форме новый имперский (постимперский) проект.

Речь не идет о ресурсах в формально-привычном понимании: нефть, газ, уран и пр. Проблема – в нереализованном модернизационном потенциале современной России, элита которой, артикулируя амбиции, соответствующие реалиям XXI столетия, опирается на человеческий капитал, технологическую базу и качество управления родом из века минувшего.

Автор использует максимально жесткие оценки, чтобы подчеркнуть несовпадение желаемого и возможного: «Сегодня Российскую Федерацию по любым меркам нельзя назвать экономическим полюсом мирового масштаба... Из-за отсутствия мощного промышленного, технологического и финансового потенциала она неконкурентоспособна практически во всех остальных сферах экономики».

Представители оппозиционного лагеря, равно как и часть правящей элиты, озабочены тем, что дальнейшее развитие евразийской интеграции может привести к утрате суверенитета и «возрождению нео-СССР».

Линия рассуждений о незавершенности социальной и экономической модернизации в России плавно подводит читателя к еще одному злободневному вопросу: может ли наша страна в подобных условиях выступать центром притяжения для постсоветского пространства? Находят ли наши ближайшие партнеры и союзники привлекательным тот образ, с которым ассоциируется политика Кремля в ближнем и дальнем зарубежье? Автор «Post-Imperium» исполнен скепсиса по поводу адекватности интеграционных инициатив Москвы, как в старом, так и в новом прочтении начала 2010-х годов. Хотя при этом не отрицает потенциальную значимость реализации интеграционных проектов с участием России. Но с иным целепо-

лаганием и ясным осознанием пределов собственных возможностей.

К сожалению, информационное сопровождение евразийского проекта находится на таком низком уровне, что для большинства граждан России суть и смысл новой интеграционной идеи – тайна за семью печатями. Евразийская интеграция остается проектом элит, хотя шанс на успех как раз связан с тем, чтобы превратить идею Евразийского Экономического Союза в общественный проект. Реализация большинства интеграционных инициатив является прерогативой бюрократии, которая не слишком стремится к тому, чтобы приобщать к участию в евразийском проекте молодежные организации, бизнес-сообщество, представителей образовательных структур.

Спикеры от Таможенного Союза и Единого экономического пространства оперируют макроэкономическими показателями, которые планируется достигнуть к 2015–2020 гг. В информационном поле практически отсутствуют примеры успешных бизнес-историй, связанных с евразийским интеграционным проектом, что по идее могло стать одним из весомых аргументов в поддержку нового экономического союза.

Впрочем, дискуссия о евразийском проекте активно ведется не только в российском обществе, но и в странах-партнерах по интеграционному проекту, прежде всего, в Казахстане. Представители оппозиционного лагеря, равно как и часть правящей элиты, озабочены тем, что дальнейшее развитие евразийской интеграции – от экономического взаимодействия к созданию политических надстроек – может привести к утрате суверенитета и «возрождению нео-СССР». Отсюда проистекает настороженное отношение к идее евразийского парламента и других органов, выходящих за рамки поля экономического сотрудничества.

Однако именно в этой части исследования Д. Тренин, кажется, избыточно «пунктирен». Намечая контуры описания важнейших сюжетов с точки зрения взаимоотношений России и стран постсоветского пространства, автор раскрывает их в «телеграфном стиле», как нечто очевидное, не нуждающееся в глубокой системе доказательств. Это особенно заметно в разделах «Провал интеграции» и «Россия выбирает одиночество».

Становится понятно, что для Д. Тренина «естественная» интеграция России – это, прежде всего, движение на Запад. Вероятно, именно такая расстановка приоритетов, своего рода «евроцентризм» исследователя вызовет чувство легкого раздражения у специалистов по странам бывшего Советского Союза. «Широкие мазки», которыми автор рисует картину отношений Москвы со странами СНГ и Балтии, дают общее представление о процессах, происходящих в Центральной Азии,

на Южном Кавказе, в Украине и Белоруссии, о сложном, специфичном отношении элит новых независимых государств к российской политике на постсоветском пространстве. (...)

В то же время нельзя не согласиться с выводом о том, что России необходимо проводить дифференцированную политику в Центральной Азии и на Южном Кавказе, обратившись к более активному использованию инструментов «мягкой силы». Этот вывод представляется разумным и обоснованным, хотя и немного запоздавшим с точки зрения конкретных шагов, предпринимаемых российскими властями. (...)

И все же хочется оставаться оптимистом. Если элиты стран ближнего зарубежья не горят особым желанием выстраивать более тесные линии взаимодействия с Россией, ограничивая собственный интерес кредитами и бонусами по нефти и газу, то в таких странах, как Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Украина, Армения, все еще относятся к Москве как к фактору, способному обеспечить стабильное и устойчивое развитие этих стран через интеграцию и сотрудничество. (...)

(Власов А. Post-Imperium: евразийская история // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14542/>). – 2012. – 08.11).

Сергей Михеев. (...) Буквально вчера я был на приеме в одном из западных посольств, где обсуждалась, в том числе, и эта тема (*интеграции – ред.*), были многие представители нашего либерального сообщества, и они высказывали откровенный ужас по поводу евразийской интеграции и говорили о том, что это просто недопустимо и невозможно, и страшно, и с этим, конечно, нужно бороться.

Это была одна из стран НАТО и ЕС. На мой вопрос: «Что вы, собственно, предлагаете взамен?», – **повисла долгая пауза**, – **«мы предлагаем свои ценности, ведь наши ценности сделают вас процветающими»**. Я, так сказать, очень хорошо отношусь к их ценностям, тем не менее, нужно понимать, что это не может быть поводом для торможения нашей интеграции. Я уверен, что кампания по сопротивлению будет нарастать, в том числе, одним из объектов может стать попытка дестабилизации внутривосточной ситуации в Казахстане или России, в трех странах, входящих в таможенный союз. Это может стать фактором, который будет тормозить интеграционный процесс.

Второе – я согласен с тем, что достаточно много пишется и говорится о евразийском союзе, и тем не менее, все-таки пока, этот проект воспринимается как проект «верхушечный». И это большая проблема у нас не

общественный проект, у нас все еще проект «Назарбаева-Путина», проект трех лидеров. Несомненно, я являюсь сторонником этого проекта, я думаю, что эта интеграция должна проходить, потому что, действительно, другого выбора как создавать собственный центр развития в 21 веке у нас нет.

И тем не менее, пока этот проект завязан на личности трех лидеров. Пока он не станет проектом хотя бы большинства элиты, и пока он не станет проектом, понятным для большинства населения, у него будут проблемы с перспективой развития. Я думаю, это одна из основных задач, над которыми мы все должны работать. Рациональность этого проекта очевидна, но, к сожалению, этого недостаточно.

И третье, это тема по расширению нашего союза, также за счет Киргизии и Таджикистана. В целом, я тоже разделяю эту идею, тем не менее, думаю, к этим вещам стоит подходить крайне осторожно, потому что и Киргизия, и Таджикистан – страны с достаточно сложным внутренним положением и их внутренние проблемы, они могут дискредитировать идею союза как такового. То есть я думаю, здесь надо: а) совершенно четко прописывать выполнение этими странами определенных условий и б) понимать, что – да, они нужны, но, скажем, проблемы внутри этих стран, они могут быть использованы для дискредитации идеи союза как таковой. И если эта идея будет дискредитирована, то боюсь, нам больше никогда не удастся к ней вернуться. Здесь нужно понимать эти вещи и эти риски.

Михаил Виноградов. Несмотря на интерес к Казахстану, за которым я слежу, я отношусь к числу скептиков, а не оптимистов. Я исхожу из того, что российская элита не является драйвером интеграционной идеи, она не имеет здесь никакой идеологии, ни надполитической, ни какой-то еще, и объективно не является «толкачом» в этих процессах. На мой взгляд, потенциал Казахстана, и продвижение Казахстана сегодня шире, чем потенциал проекта евразийского союза.

На мой взгляд, очень важно было бы сегодня, во-первых, больше говорить о сопоставлении процессов в России и Казахстане. Пусть по отдельным моментам отраслевым, смотрим по материалам недвижимости, сразу видна динамика цен. Объективно бытовые и политические вещи через сопоставление, через проведение запроса «а как делали эту идею в Казахстане?», я думаю было бы ценно и понятно.

Второй момент – демонстрация и понимание сложного контекста, в котором Казахстан находится в некоем «особом положении», в условиях противоречий в регионе. Вы упоминали Восточную Европу, хороший пример. Когда говоришь, с поляками, например, о процессах в Польше, становится более понятна та дискуссия, которая ведется в Польше по российской проблематике

и эта дискуссия рационализируется, снимается эмоциональный накал.

Третий момент. Может быть сотрудничество в гуманитарной сфере, в исторической, в экспертной даст нам дополнительные плюсы.

Я, например, знаю, что в Казахстане, в 1990-2000-е много анализировался опыт других государств, целого ряда стран, может быть, те знания, к которым казахстанские эксперты пришли, были бы ценны, востребованы сегодня в российской медийной среде. Я думаю, такое повышение значимости Казахстана и востребованность опыта Казахстана повысила бы и жизнеспособность самой идеи евразийского союза.

Андрей Карпов. Я полагаю, что Ермухамет Кабидинович ответил на большинство вопросов, заданных экспертами. И на этом можно было бы поставить точку. Но мне кажется, что остается целый ряд проблем, которые остались вне поля зрения. Например, отношение Москвы и Астаны к перспективе расширения евразийского проекта. Давайте ответим честно, мы не готовы принять Бишкек или Душанбе в Таможенный Союз. Точнее говоря, не готовы к тому чтобы закрыть глаза на неготовность экономик этих стран выполнять требования на более высоком уровне. В этом отношении я солидарен с Сергеем Михеевым. Элиты неоднозначно воспринимают любые идеологические проекты. А наш Союз, это не только экономика. Это и сильная примесь новой идеологии, новых мотивов развития. Казахстан слишком пытается уйти от обсуждения идеологической составляющей, слишком уходит в экономическую прагматику. На этом поле трудно убедить людей в перспективах. Нужно чуть больше романтики, чуть больше апелляции к идеям, а не к деньгам и прибыли.

(Эксперты: Потенциал Казахстана сегодня шире, чем потенциал проекта евразийского союза // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14592/>). – 2012. – 15.11).

Кыргыстанцы и казахстанцы позитивно оценивают геополитическую роль России в Центральной Азии. Таковы результаты социологического исследования, которое было проведено компанией «M-Vector» в рамках проекта «Центрально-азиатский барометр».

Межгосударственный опрос показал, что роль и российское присутствие в регионе оценивается населением двух соседних республик наиболее позитивно. В Казахстане за российское присутствие высказалось 74 процента респондентов, а в Кыргызстане – уже 90. Схожи и показатели по самой приоритетной стране в направлении международного сотрудничества. В Казахстане Россию поддержали 65 процентов опрошенных, в Кыргызстане – 95.

Однако другие ключевые страны-партнеры государств Центральной Азии в ответах на вопрос о потенциальных угрозах попали в иную категорию. Так, согласно опросу, 31 процент опрошенных казахстанцев назвал самой большой угрозой для своей страны Китай, в свою очередь, 54 процента кыргызстанцев видят главную для страны угрозу в Афганистане, а 42 процента – в США. Впрочем, для экспертного сообщества такие показатели не являются сенсационными. (...)

Что касается стран, которые не придут на помощь Кыргызстану, в первую очередь назывался Китай, затем США. Сейчас мы видим, что Афганистан вытеснил с этих позиций Китай, но США по-прежнему остались на этих позициях, хотя американские фонды достаточно активно работают в основном с гражданским сектором в Кыргызстане и Казахстане. Но видимо для того, чтобы стать для общественности полноценным государством-союзником, только грантовой помощи недостаточно.

По мнению эксперта, за последние шесть лет имидж России, как дружеского и союзнического государства, только укрепился в Кыргызстане.

- Сегодня практически в каждой кыргызстанской семье есть люди, которые живут и работают в российских регионах. Большое значение в этих интеграционных процессах играют наработанные десятилетиями исторические связи и, конечно, единое информационное пространство. Такой дружеский и влиятельный статус России дает ей возможность выступить в роли международного арбитра для урегулирования наиболее острых региональных проблем, которые в первую очередь касаются распределения водно-энергетических ресурсов, – полагает политолог.

Как полагают в экспертном сообществе, результаты исследования демонстрируют, что совместные интеграционные проекты России и Кыргызстана имеют в республике реальную поддержку.

К примеру, на недавнем экспертном форуме в Бишкеке «Вопросы интеграции Кыргызстана в Таможенный союз. Проблема и пути решений», который был проведен по инициативе фонда «Евразийцы – новая волна», много говорилось о необходимости более активного участия непосредственно граждан страны в процессах развития межгосударственного взаимодействия.

В ходе форума известный экономист **Жумакадыр Акенеев** высказал точку зрения, что интеграционные процессы, связанные со вступлением республики в ТС, должны обязательно выйти на уровень народной дипломатии.

- Уже сейчас в Кыргызстане на уровне бизнес-ассоциаций и неправительственных организаций создаются фонды, которые в дискуссионном формате обсуждают вопросы вступления страны в ТС, – отметил экономист. – Но подобные мероприятия должны проходить не только,

когда в Бишкеке пребывает десант российских экспертов, а в постоянном режиме. Надо в обязательном порядке создавать совместно с нашими соответствующими правительственными структурами специальную дискуссионную площадку и еженедельно проводить встречи.

По мнению Жумакадыра Акенеева, об интеграции с Россией в республике много говорят, но реально делается пока мало.

- Я был на презентациях исследований, которые проводились по инициативе западных организаций, по негативным моментам вступления в ТС, когда зарубежные эксперты пугали чуть ли не очередными революциями, – **сказал экономист.** – **Причем эти заявления не были подкреплены конкретными выкладками, но были широко растиражированы в СМИ, – посетовал экономист. Именно поэтому в Бишкеке в обязательном порядке должна быть создана специальная координирующая структура между правительством и общественностью для обсуждения и распространения объективной информации по участию Кыргызстана в ТС.**

О том, что гражданское общество должно стать локомотивом в реализации межгосударственных мега-проектов, не раз говорил известный российский эксперт, *руководитель Информационно-аналитического центра по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве МГУ Алексей Власов.*

- Выдвинув интеграционную инициативу, за нее надо бороться. Сама по себе интеграционная идея не станет работать и приносить дивиденды, – полагает Алексей Власов. – Те дискуссии, которые сегодня идут в Казахстане, Беларуси и Кыргызстане, демонстрируют, что если мы не будем привлекать гражданский и молодежный сектор, то через 5-7 лет рискуем оказаться в ситуации, когда уровень поддержки снизится настолько, что идея Евразийской интеграции останется проектом элит, а не широким общественным проектом.

(Аскарлов С. Геополитический приоритет остался за Россией // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14615/>). – 2012. – 20.11).

На днях в Риме, взбудораженном студенческими демонстрациями против политики жесточайшей экономики правительства Марио Монти, три десятка российских и итальянских журналистов и политологов собрались для того, чтобы обсудить евразийскую перспективу во внешней политике Москвы.

Речь шла о закрытом семинаре, только для специалистов. Семинар проводился МИДом совместно с миланским Институтом международной политики (ISPI). Ясно, что поводом для семинара были соображения, вы-

сказанные Владимиром Путиным на тему евразийства. Будет ли Москва руководствоваться этой идеологией для проведения своей политики на евразийском пространстве, на котором с ней уже соревнуются Китай и США?

Итальянская среднестатистическая общественность малознакома с евразийской идеей или считает ее одной из многих российских причуд. В интервью Джованни БЕНСИ мыслями о евразийской перспективе России делится один из крупнейших *итальянских политологов, специалист по российским делам, профессор американского Университета Джона Хопкинса в Болонье* **Паоло Кальтцини**. (...)

– Надо посмотреть, в какой мере реальна эта доктрина в современной России. Она, очевидно, остается достоянием определенного культурного круга людей, заинтересованных в историософии, уходящей очень глубоко в русскую историю. Но в этой доктрине нет угрозы.

– Почему?

– Потому что для России это путь нормального развития. Этот путь, имею в виду путь евразийства, отвечает логике реальной геополитики, то есть вытекает из расположения России в центре Евразии.

Такое расположение, естественно, возлагает на Россию задачу быть посредницей между Азиатско-Тихоокеанским регионом и Европейским союзом. Эта роль предполагает и немалую ответственность. Необходимой предпосылкой для таковой является напряжение экономических и политических сил, и мы еще не знаем, будет ли Россия в состоянии выдерживать это напряжение.

– А как с «более мягким» Советским Союзом, к которому якобы стремится Путин?

– Полагаю, что бессмысленно думать о возрождении Советского Союза или о восстановлении коммунистического режима в какой-либо форме. Разрыв в этом плане окончателен. Элементы прогресса и раскрепощения, выросшие из краха тоталитаризма и распада империи, даже если за них надо платить высокую социальную цену, в общем и целом положительно оцениваются большинством российского населения. Но столь же очевидно, что в России еще нельзя говорить о режиме, всецело основанном на принципах демократии, рыночной экономики, правового государства.

– Можно ли провести параллель между предполагаемым Евразийским союзом и реально существующим Европейским союзом?

– Европейский союз как раз показывает, насколько трудно успешно продвигать интеграционные процессы между государствами, принадлежащими к разным культурам, пусть и разделяющими одну цивилизационную основу. Тем не менее объединительные процессы, про-

являющиеся как в Европейском, так и в потенциальном Евразийском союзе, отвечают сложной, но всем очевидной логике, вытекающей из геополитического подхода. Оба эти процесса закономерны, отвечают геополитическим реалиям и поэтому не могут представлять собой взаимную опасность. Тут играет роль и экономический фактор.

– Сейчас говорят, что отношения России и Европейского союза страдают от двойной зависимости. Экономика России зависит от доходов от продажи энергоносителей Европе, а благополучие последней во многом зависит от поступающих из России нефти и газа...

– Сотрудничество в энергетическом секторе – жизненно важный фактор как для России, так и для некоторых азиатских стран, когда-то входивших в состав СССР. Когда в России говорят об этом, появляется примесь риторики. Но на самом деле еще действует историческая и культурная традиция России, которая по праву выступает на передний план как центральный элемент евразийского равновесия. Есть и другая перспектива.

Будущее России как великой державы будет определяться ее способностью активизироваться и в ее азиатской части, играющей основную роль в стратегическом и экономическом плане. Ведь есть сильная запоздалость в российской политике, вызванная ограничениями нынешнего режима, элементами коррупции, отсутствием инфраструктур. Россия сможет быть сверхдержавой, только если будет в состоянии играть эту очень своеобразную и комплексную роль. Иными словами, Россия должна осознать, что она – единственная полноправная евразийская держава. (...)

– Конечно, Китай сегодня по отношению к России и другим бывшим советским республикам выступает в роли старшего партнера. Это, впрочем, не исключает Соединенных Штатов из этого пространства, потому что они в любом случае сохраняют сильную позицию. Однако здесь я бы хотел напомнить два аспекта: в китайской перспективе Россия фигурирует в основном как тыл, то есть она потенциально рассматривается как младший партнер, она не оценивается как равноправный партнер. Мне кажется очевидным, что Россия не смирится с ролью младшего партнера Китая после того, как не захотела быть (и справедливо) младшим партнером США. (...)

– Действительно, есть другой элемент. Да, Китай важный фактор, особенно в том, что касается развития данного региона. И в Сибири не Япония, а именно Китай будет играть большую роль. Однако тут выявляется третий важный элемент – культурная и цивилизационная инаковость, которая отделяет Китай от России.

– В чем же выражается эта инаковость?

– Россия, несмотря ни на что, остается западной страной, частью того, что именуется Большим Западом. Поэтому сохраняется глубинная инаковость, которая является фактором силы китайской цивилизации. Этот фактор будет давить на российскую перспективу сотрудничества. Важно понимать, что такое сотрудничество может основываться только на конкретных, ситуационных интересах, а не на принципиальных, разделяемых ценностях. (...)

(Бенси Дж. Взгляд из Рима на евразийскую перспективу России // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14664/>). – 2012. – 26.11).

В своем выступлении я хотел бы отметить лишь некоторые инициативы Президента РК Н. А. Назарбаева, которые важны в модернизации не только казахстанского общества, но и имеют глобальное значение. (...)

Долгое время наша постсоветская интеграция напоминала «бруновское движение» – находилась в непонятном подвешенном состоянии. «Откуда мы пришли?» – с этим вроде всё ясно! Из общей советской шинели. А вот внятных ответов на другие вечные вопросы – «Кто мы? Куда мы идём?» – не было. У многих лидеров стран СНГ отсутствовало видение общей цели – куда должно двигаться постсоветское пространство. Публичная дискуссия глав государств Таможенного союза (ТС) чётко указала привлекательную для большинства стран Содружества конечную цель. Это Евразийский союз государств (ЕСГ).

Евразийский союз – любимое «детище» Нурсултана Назарбаева, дело всей его жизни. Напомню, что сама идея о создании Евразийского союза изначально принадлежит Президенту Казахстана. Де-факто «авторские права» на ЕСГ – у Нурсултана Назарбаева. Именно Н. А. Назарбаев ещё в 1994 году заявил, что странам СНГ необходимо создать Евразийский союз государств. Причём по образцу Евросоюза, где будет консенсусный путь принятия решений. Все два десятилетия Президент Казахстана неизменно подталкивал объединительный процесс и неустанно повторял: «Интеграция – вот кратчайший путь к процветанию». Время показало, что Назарбаевым была прозорливо указана надёжная и достижимая цель.

Точка зрения Президента Казахстана такова: «Евразийский Союз должен изначально создаваться как конкурентоспособное глобальное экономическое объединение». Оно должно формироваться «исключительно эволюционным и добровольным путём». Определено и место ЕСГ в мире – он призван стать «мостом, соединяющим динамичные экономики Евросоюза, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии». «Если мы твёрдо намерены создавать Евразийский союз, то хватит

говорить – давайте формировать наднациональные координирующие центры», – считает Нурсултан Назарбаев.

О чём идёт речь? Казахстанский Президент предлагает создать Евразийскую ассамблею, объединяющую парламентариев наших стран. А также ряд общих бизнес-структур – **Евразийский конгресс промышленников и предпринимателей** и Евразийскую торгово-промышленную палату. Кроме того, Н. А. Назарбаев готов разместить исполнительные органы ЕСГ в Астане как географическом центре Евразии. Это разумно, поскольку позволит избежать досужих разговоров о том, что «Москва опять возрождает Советский Союз» и так далее...

Н. А. Назарбаев считает, что евразийская интеграция не должна идти верхушечным, сугубо бюрократическим путём. Нельзя население «осчастливить сверху!» «Создание Евразийского Союза возможно только на основе широкой общественной поддержки», – **уверен Нурсултан Назарбаев**. При создании евразийского пространства казахский президент всегда активно действует в человеческом измерении. «Интеграция – **слишком важное дело, чтобы доверять его только политикам**», – не раз говорил Президент Казахстана. Поэтому он предлагает «укреплять народную вертикаль евразийской интеграции». Речь идёт «о расширении числа евразийских общественных объединений»: по сути, об опоре проекта ЕСГ на энергию масс.

Есть ещё один принципиальный момент. За прагматикой и экономикой, за волнующим объединением нефтегазовых труб и финансовых активов нельзя забывать об идеалах. Интеграционная миссия по созданию ЕСГ не будет успешной без привлекательной объединительной идеологии. Без всякого сомнения, ей может быть только «новое евразийство» Нурсултана Назарбаева.

3. Задача, которую поставил перед своей страной Президент Казахстана, – **стать одним из индустриальных локомотивов новой посткризисной экономики XXI века**. По своему историческому значению этот замысел я бы сравнил разве что с эпохальным рузвельтовским Новым курсом, который начал осуществляться в 1933 году для вывода Соединенных Штатов из Великой депрессии. (...)

Нурсултан Назарбаев предельно четко формулирует контуры «большого проекта» для Казахстана: это новая индустриализация страны. Стратегический курс на реиндустриализацию имеет ряд неоспоримых преимуществ. Он даст возможность осуществить долгожданный технологический рывок, создаст новые рабочие места и наконец, снимет опасную зависимость экономики от сырьевого сектора. (...)

И в заключении хотелось бы отметить, что Казахстан состоялся как успешное государство и в этом огромная и основная заслуга первого Президента и института президентства. Опыт постсоветского политического транзита показал, что те страны становятся успешными, строят фундамент демократических преобразований, где есть сильная президентская власть. Я бы сказал даже больше: там, где сильный национальный лидер, пользующийся полным доверием народа, воспринимающий свою собственную судьбу и судьбу страны как единое целое.

(Власов А. Казахстанский опыт интеграции // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14679/>). – 2012. – 29.11).

Главной тенденцией дискуссий в первый день Форума европейских и азиатских медиа (ФЕАМ), организованного РИА Новости в Минске, стали пессимистичные оценки экспертов по вопросу евразийской интеграции.

Участники форума, на котором собрались более 200 руководителей СМИ, политиков и экспертов из стран СНГ, Балтии и Грузии, обсуждают будущее масс-медиа и ту роль, которую они могут сыграть в процессе интеграции постсоветских стран.

По мнению *украинского социолога Евгения Копатько*, под вопросом может оказаться сама перспектива расширения сотрудничества постсоветских стран. По данной возглавляемой Копатько компании Research and Branding Group, если во времена президента Виктора Ющенко участие Украины в союзном объединении с Россией, Белоруссией и Казахстаном поддерживали 35 % украинцев, то сейчас, после прихода к власти Виктора Януковича, уровень поддержки снизился до 21 %. «Когда нет наполнения смыслами – экономическими, политическими, гуманитарными, мы (постсоветские страны) будем дальше дрейфовать друг от друга. И у большинства (на Украине) появится другой тренд», – считает социолог. (...)

По мнению *директора армянского Института Кавказа Александра Искандаряна*, на Южном Кавказе интеграционные процессы пока неэффективны, потому что страны региона еще не прошли до конца путь национальной самоидентификации. «Они проходят стадию обретения себя, попытки стать собой», – сказал Искандарян, выступая на форуме.

Даже преодоление таких тенденций не подтолкнет этот регион к европейско-азиатской интеграции, считает Искандарян. По его мнению, в ближайшие 20 лет общим языком для политических элит из стран бывшего СССР станет английский, а не русский. В качестве иллюстрации к своей мысли эксперт привел пример студентов из Грузии и Армении, для которых уже сейчас лекции на английском языке более понятны, чем лекции на русском.

Это мнение разделяет и *руководитель Центра по изучению процессов на постсоветском пространстве МГУ Алексей Власов*. Он высказал мысль, что Россия, как центр гуманитарной интеграции, вынуждена конкурировать с другими центрами притяжения, например, Западной Европой или Китаем. «На каком языке будут говорить политологические элиты – далеко не праздный вопрос. И, возможно, через 15 лет языком саммита СНГ может стать английский или китайский», – предположил Власов.

Власов также высказал идею сделать ежегодный Форум европейских и азиатских медиа экспертной площадкой для обсуждения интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

«Предлагаю сформировать экспертную институцию, куда бы вошли все страны, присутствующие на форуме», – сказал эксперт.

По его словам, экспертному сообществу, которое поддерживает интеграционные процессы на территории бывшего СССР, необходимо генерировать общие концепции, которые затем следует доводить до обществ своих стран. Это поможет изменить нынешнюю тенденцию, когда интеграция идет, в основном, на уровне экономики, а общество не до конца понимает, что оно получит в результате объединения бывших советских республик, например, на основе Таможенного союза. «Интеграция победит только тогда, когда она будет восприниматься как естественный образ жизни не только политическими элитами, но и обществами», – отметил он.

(Жмуцкий Д. Украина теряет интерес к интеграции? // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14756/>). – 2012. – 12.12).

Россия и Турция ищут компромисс уже давно. (...) Визит президента России Владимира Путина в Турцию должен был состояться еще в середине октября 2012 года...

...Но в последний момент был перенесен почти на два месяца, на 3 декабря. Этот факт уже сам по себе свидетельствует о том, что в отношениях между Москвой и Анкарой не все гладко. Хотя обе страны показывают неплохую статистику по товарообороту, развивают ряд совместных проектов и отмечают высокий уровень политического диалога между обеими странами.

Более того, как до, так и после нынешнего путинского визита Россия и Турция по принципиальным вопросам по-прежнему далеки от компромисса. В этой ситуации сторонам остается лишь ждать. Как минимум, нового раунда бессмысленных переговоров и очередных уступок, но уступать, как правило, приходится России. Или же попытаться выйти из этой порочной двусторонней модели и активизировать отно-

шения с другими центрами силы. Впрочем, такая ситуация отнюдь не удивительна. Россия и Турция априори не могут договориться на взаимовыгодной основе. Потому что они являются прямыми конкурентами за контроль над евразийским пространством.

Турция стремится повысить собственный транзитный статус, закнув на себя все ключевые энергетические и транспортные потоки Евразии. В то время как России такое укрепление Турции ни к чему. Россия сама видит себя евразийской державой, а для транзита гораздо эффективнее братская Украина, с которой у Москвы есть культурная совместимость, в отличие от Турции. Тем более что возможности украинской газотранспортной системы гораздо шире, чем может предложить Турция.

Россия в своей геополитической стратегии работает над главной целью – строительством Евразийского Союза. Но с этим уже не может согласиться Турция, пытающаяся возродить неоосманскую империю и заинтересованная для этого удержать влияние на Кавказе, в Черноморском регионе, нарастить позиции в ЦентрАзии.

Таким образом, для того, чтобы России укрепиться на постсоветском пространстве, необходимы уступки Турции. В свою очередь, евразийский рост Анкары невозможен без соответствующей сдачи позиций России, Украины и других постсоветских стран. То есть, как видим, по Украине, Грузии и ГУАМу в целом прошелся фронт российско-турецкого противостояния, но наиболее непримиримые противоречия вспыхнули вокруг Сирии, постоянно угрожая перерасти в полноценную войну. (...)

Понятно, что для России сейчас более важен проект «Южного потока». С учетом затянувшейся несговорчивости Украины. Но на данный момент при подготовке проекта Москва натолкнулась на жесткую позицию Брюсселя, отказывающегося предоставить проекту особый статус трансграничной европейской сети. Без такого статуса «Южный поток» будет находиться под прессом антимонопольного законодательства ЕС и окупится еще более дорогой ценой, чем сложилась сейчас. Турция, как известно, тоже имеет проблемы в отношениях с Евросоюзом. И для того, чтобы повлиять на Брюссель, Анкара решила разыграть карту Таможенного Союза.

Турция хочет в Таможенный Союз. О возможности вступления Турции в Таможенный Союз на данный момент известно только со слов **Дмитрия Пескова**, *пресс-секретаря президента Путина*. «Таможенный Союз и Экономическая зона открыты для каждого. Россия будет рада, если к ТС присоединится Турция», – подчеркнул Дмитрий Песков. Проанализируем, что это даст обеим сторонам.

Во-первых, приглашение Турции в Таможенный Союз усилит пози-

ции Анкары в евроинтеграционных переговорах с Евросоюзом. Во-вторых, однозначно изменится сложившийся расклад на Южном Кавказе. С одной стороны, налицо прекрасная возможность Турции наладить прямые отношения с Арменией. Для Еревана, в свою очередь, это прорыв тюркской блокады. Ну а для Москвы – это разблокирование доступа к 102 военной базе и нивелирование нынешней зависимости от Грузии. Кроме того, в выигрыше будет и Баку, который сможет найти компромисс по карабахскому вопросу. Правда, при этом есть ряд важных нюансов.

Первый – Армения не является участницей Таможенного Союза и никогда не декларировала целей туда вступить. Ереван только имеет статус наблюдателя в ЕврАзЭС, а отношения с ТС стремится оформить по «особой формуле» (подобно формуле «3+1», отстаиваемой Украиной).

Второй нюанс – Азербайджан также не входит в Таможенный Союз. Сможет ли ТС решить «карабахский вопрос» – большой вопрос. Во всяком случае, Баку в своей внешней политике во всем озирается на Турцию, которая в свою очередь сдерживает азербайджанцев от вступления в ТС. Если Анкара вступит в ТС – то и Баку побежит вслед за ней. Если же не вступит – Азербайджан будет сохранять нынешний статус-кво.

Таким образом, экономически вступление Турции в ТС вполне логично. Но политически реализовать данную идею будет очень сложно. В конечном итоге, если проанализировать все возможные ходы в кавказском многоугольнике, можно увидеть, что Турция – «чужой» в Таможенном Союзе. А потому ее нынешняя инициатива вряд ли даст позитивный результат.

Кстати, из рассматриваемой турецкой инициативы можно сделать ряд выводов для Украины:

1) вступление в ТС отнюдь не противоречит евроинтеграции. Скорее наоборот, этот ход только повышает вес в диалоге с Брюсселем. И для Турции, и для Украины, и для России. Например, Брюссель может себе позволить ежегодно водить Киев «за нос», каждый раз оттягивая миг евроассоциации. Но в отношениях с Таможенным Союзом это будет сделать сложнее. В Анкаре это хорошо понимают, в Киеве – пока нет;

2) Турция намерена вступить в Таможенный Союз без каких-либо «особых формул», и от этого ее интересы совсем не пострадают;

3) вступление в Таможенный Союз для Турции экономически выгодно. Так почему же не видят своих выгод Украина и Грузия?

4) несговорчивость Киева и Тбилиси в вопросах ТС, как видим, больше всего используется именно Турцией. С одной стороны, Анкара укрепляет свое влияние с постсоветскими странами, добровольно отказывающимися от контактов с РФ. Но, с другой стороны, Турция

использует напряженность в отношениях Украины и Грузии для того, чтобы выбить у РФ больше преимуществ в свою пользу.

...В целом, зазывать Турцию в Таможенный Союз для России опасная игра. По сути, Москва наступает на одни и те же грабли. Возможно, сближаясь с Турцией, Москва преследует главную тактическую цель – попытаться надавить на соседей: Украину, Грузию, Азербайджан.

Проблема в том, что порочность этой стратегии проявляется в том, что чем сильнее давление на Грузию (Украину, Азербайджан) – тем ближе эти страны к Турции и, соответственно, дальше от России. В результате, Москва сталкивается с двойной проблемой: нужно не только решить проблемы с Грузией и Украиной, но и найти какие-то рычаги влияния на Турцию. (...)

(Шивырев И. Россия и Турция: в поисках компромиссов // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/147774/>). – 2012. – 14.12).

ПЕРСПЕКТИВИ УКРАЇНИ В ЄВРАЗІЙСЬКОМУ СОЮЗИ

Прем'єр-міністр Микола Азаров заявив, що приєднання до Митного союзу дозволить Україні отримувати російський газ за ціною у 160 доларів за тисячу кубометрів. Зараз Київ купує в Росії газ по 426 доларів.

«Росія висуває нам умови: давайте приєднуйтесь до Митного союзу і завтра у вас буде газ по 160 доларів», – заявив пан Азаров в Одесі у вівторок, як передає агенція «Інтерфакс».

Глава українського уряду також наголосив, що приєднання до Митного союзу в цілому відповідає національним інтересам України, оскільки близько 40 % її міжнародного товарообігу припадає на країни Митного союзу. Водночас прем'єр сказав, що ще 30 % міжнародного товарообігу України припадає на країни Євросоюзу, а отже державі вигідно приєднатися і до зони вільної торгівлі з ЄС.

При цьому Микола Азаров вкотре наголосив, що Україна не хоче обирати між Митним союзом та зоною вільної торгівлі із ЄС, а хоче працювати з усіма країнами. Митний союз Росії, Білорусі та Казахстану – інтеграційне утворення на теренах колишнього СНД, яке активно любіє Кремль та регулярно запрошує туди Україну, обіцяючи, зокрема, знижки на російський газ.

Одночасно в ЄС попереджають, що участь у цьому об'єднанні суперечитиме приєднанню України до зони вільної торгівлі з ЄС, якого

Київ домагається вже чимало років. Угода про асоціацію та зону вільної торгівлі з ЄС виявилася заблокованою на етапі ратифікації через застереження щодо політичної ситуації в Україні з боку Брюсселя.

Митний союз, за задумом президента Росії Володимира Путіна, з часом увіллється в Євразійський союз, інтеграційне утворення, про ідею створення якого він вперше заговорив рік тому.

Цього року також набула чинності угода про зону вільної торгівлі з СНД, частиною якої є і Україна. Попри заяви чинної влади про вигідність участі Києва у цьому інтеграційному об'єднанні, експерти звертають увагу на значну кількість суттєвих винятків з угоди, які безпосередньо стосуються України. У тому числі у переліку винятків – газ.

Окрім того, на початку вересня Росія запровадила так званий утилізаційний збір на авто, які ввозяться на її територію. Цей крок призведе до зростання вартості, зокрема, і українських автомобілів.

Водночас вартість російського газу для України є одним з найгостріших питань. Чинний уряд вже другий рік поспіль заявляє про необхідність переглянути чинні газові контракти з Росією, але марно. У третьому кварталі Україна платить 426 доларів США за тисячу кубометрів російського газу. Так, за вересень «Нафтогаз» перерахував російському «Газпрому» 1,056 мільярда доларів.

Росія регулярно наголошує на необхідності дотримуватися чинних газових контрактів, заявляючи, що перегляду ціни на газ можна досягти, приєднавшись до Митного союзу.

(Азаров: Росія обіцяє Україні в Митному союзі газ по 160\$ // Бі-Бі-Сі (http://www.bbc.co.uk/ukrainian/politics/2012/10/121009_azarov_russia_gas_dt.shtml). – 2012. – 09.10).

Кажеться уже нікто в Москві не повинен питати ілюзій стосовно Києва. Однак ще знаходяться політики, утверджаючи, що вот еще немного, стоит только сделать правильную политическую ставку, выбрать верный механизм и все наладится, Украина вступит в Таможенный Союз и так далее. Но как часто бывает, за деревьями не видят леса. Суть проблемы в привлекательности российской интеграции как таковой. Я бы не стал исключать и такого развития событий, что Киев в итоге войдет в Таможенный Союз. Но если Москва не будет творчески подходить к интеграционным проектам, Украина реально не станет ближе России, и количество проблем в наших отношениях не станет меньше. Возьмем, к примеру, две сферы: крупный бизнес и религию.

При всех заочных реверансах Москве большой украинский бизнес,

похоже, определился в стратегических симпатиях. Они готовы сегодня зарабатывать деньги с Россией, но предпочтительное будущее своего развития видят с другими партнерами. Причем, очевидно, что объективно выгодные на сегодняшний день российские связи, речь о взаимозависимости экономик двух стран, воспринимаются как «гири», доставшиеся в наследство. Ринат Ахметов, Игорь Коломойский, Дмитрий Фирташ и им подобные бизнесмены не станут долгосрочными союзниками Москвы. Нынешние связи по линии машиностроения, нефтехимии, металлургии, энергетики и судостроения они воспринимают как неизбежность, для них этот фундамент перекечавший из вчера в сегодня. Однако стратегия нового бизнеса привязана к будущему, которое мыслится в отрыве от России. Обычными политическими действиями этот психологический тренд не изменить.

Тактические маневры на религиозном поле, также исчерпаны. Успешная и достаточно яркая дипломатия патриарха Кирилла, начатая в августе 2009 года, достигла максимума своего эффекта. Воздействие его проповедей даже на пророссийскую аудиторию Украины постепенно стремится к нулю. Да, многие действующие политики, включая ранее даже Юлию Тимошенко, являются прихожанами Украинской православной церкви Московского патриархата. Но прямую проекцию религии на украинскую политику не нужно преувеличивать. Основная масса реально невоцерковленного населения «перекормлено» церковными торжествами – начиная с 2008 года (1020-летия Крещения Руси). Увеличение пасторских «командировок» патриарха Кирилла вплоть до нескольких в год не приведет к росту пророссийских симпатий. При этом реальное движение вперед, в плане увеличения сторонников московского патриархата в Украине, скорее может быть следствием улучшения отношений между Москвой и Ватиканом. Однако об этом мечтать особо не приходится.

В Москве достаточно популярно суждение, что период колебаний и постоянного поиска основного вектора для Киева непременно закончится. Дескать, рано или поздно наступит барьер, за которым следование – либо восточному, либо западному фарватеру. В политическом плане такой барьерный переход может не наступить никогда. Киев может и впредь оставлять полуоткрытые двери. Балансировать на ожиданиях ЕС и России.

При этом, прямое «в лоб» полит-экономическое давление Москвы в пользу курса на евразийскую интеграцию породит сильное отторжение, что станет проблемой само по себе.

Выходом из замкнутого круга может стать попытка укоренения

пророссийских симпатий в украинском обществе классическими методами soft power, то есть без нарративного политического давления. Однако, тут надо учитывать, два фактора. Первый – такая работа должна проводиться гораздо тоньше, чем к этому привыкли кураторы в Москве. Второй – работа по модернизации российского поля притяжения должна быть привязана к проектам модернизации украинской социально-экономической жизни. Иначе все это повисает в воздухе. В этой парадигме необходима концентрация российских проектов на вопросах функционирования малого бизнеса в наших странах, на условиях взаимоотношений власти и общества на сельском и районном уровнях, на вопросах доступа и использования социальных коммуникаций, создании электронного правительства, совместных технопарков, региональных инновационных зон. Нужно, наконец, задуматься над тем, не что мы можем предложить им, а что они от нас ждут. (...)

Москва пока не может смириться с потенциалом украинско-европейских отношений. Видимо потребуется время, чтобы свыкнуться с наличием самостоятельного от Москвы вектора сближения с ЕС. России потребуется не одно десятилетие, чтобы это переварить, и отыграть реверс. Но эта длительность не дает нам оснований пессимистически складывать руки. Сегодня нужна стратегия общественного движения навстречу в разных областях, нужно использовать любые возможности социальной коммуникации, чтобы периоды враждебности в наших отношениях не были столь продолжительными.

(Караваев А. Киевский тупик // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14465/>). – 2012. – 29.10).

Ведь не секрет, что заявленный Киевом евро-интеграционный (евро-атлантический) приоритет все больше напоминает ритуальную внешнеполитическую формулу, лишённую и содержания, и перспективы... В то же время в рамках Таможенного союза (ТС), а позже и в русле более глубоких интеграционных процессов Украина имеет реальную возможность участвовать в формировании евразийской геоэкономической архитектуры. Однако с каждым днем промедления в том, что касается принятия необходимых политических решений, существующее здесь «окно возможностей» медленно закрывается.

При этом на Украине есть реальная общественная поддержка именно евразийского, восточного вектора интеграции, и выражается она цифрой примерно в 50-60 % граждан. Что говорить, если даже 23 % потенциальных избирателей радикально-националистической «Свободы»

тоже выбирают союз с Россией. И, несмотря на все это, «евро-интеграционный вектор» остается законодательно закрепленным в политике Украины, а госаппарат вынужден работать с документами, которые (увы!) не менялись принципиально со времен Кучмы, а иные – и Кравчука.

И здесь важнейшим становится отношение к информационному сопровождению интеграционных проектов, к развенчанию распространяемой о них лжи. В некоторых случаях речь идет об элементарном информировании населения, экспертов, политиков. Конечно, когда официальные представители Евразийской экономической комиссии говорят: «Насильно мы никого в Таможенный союз не тащим», это звучит корректно. Однако в информационную эпоху, в условиях жесткого столкновения конкурентных моделей, в том числе моделей экономических и политических союзов, – это путь если не в никуда, то как минимум – к застою систем (проектов).

Любой интеграционный проект (экономический, политический, военный) – это в первую очередь взаимодействие информационных пространств и приведение их к некому «общему знаменателю» мнений. И лишь когда этот «общий знаменатель» появляется, задачи интеграции становятся реально решаемыми. Кстати, в ЕС и НАТО это всегда отлично понимали, поэтому руководство этих структур только на Украине ежегодно тратит десятки миллионов евро и долларов на такое «информирование». А официально они точно так же говорят, что «никого никуда не тащат».

Я убежден, что Таможенный союз (ТС) и иные (ре)интеграционные объединения на постсоветском пространстве должны идти тем же путем. Должны быть сформулированы, сведены в систему и профинансированы осмысленные информационные мероприятия, направленные на: а) информирование граждан, б) обеспечение поддержки экспертного сообщества, в) формирование позитивного имиджа как самого ТС, так и всех его участников (особенно его неформального «локомотива» – России), в) развенчание существующих негативных мифоконструкций и формирование позитивного образа будущего интеграционного объединения.

Львиная доля внимания должна быть сейчас обращена именно на это. Ведь ощущение поддержки может и обмануть: так, социологи, говоря о высоком уровне пророссийских настроений на Украине, отмечают, что даже в молодежной среде Востока и Юга проевропейские (антироссийские) настроения уже сильнее. И это понятно: деньги ЕС/НАТО на пропаганду «европейского выбора» Украины тратятся щедро и с умом.

Нынешняя поддержка евразийской интеграции – это во многом еще «советский» ресурс, его образуют те, кто помнят СССР, кто согласны с

оценкой его крушения как «крупнейшей геополитической катастрофы XX века». Между тем на выборах уже голосуют молодые люди, родившиеся после 1991 года. И промедление еще в несколько лет (а целое двадцатилетие в этом смысле потеряно!) не может не вызвать падения уровня пророссийских симпатий в украинском обществе. Поэтому необходима более предметная работа с молодежью при одновременном целенаправленном информировании о целях, задачах, преимуществах, перспективах и Таможенного союза, и Единого экономического пространства, и Евразийского экономического союза как зреющего проекта.

Идеальным вариантом было бы открытие канала, подобного RT («Россия сегодня»), но нацеленного на аудиторию постсоветского мира. Чаще и смелее надо обращаться к региональным СМИ, до которых у цензуры зачастую не дотягиваются руки, – тем более что во многих случаях уровень доверия к ним существенно выше, чем к центральным изданиям. Необходимо активизировать работу профильных НПО, в частности – через системы микрогрантов. Европейский и американский опыт показывает, насколько успешной может быть их деятельность. Местные НПО лучше всего знают и местных «лидеров мнений», на которых в таких случаях надо делать ставку. Безусловно, помогло бы делу создание тематических интернет-сайтов с самым широким спектром информации – от новостей и исследований до подбора основных фактов из практики работы Евразийской экономической комиссии. Необходимым элементом такой работы в интернет-пространстве должно стать регулярное взаимодействие с популярными украинскими блогерами. Необходимо расширить и качественно усовершенствовать работу в социальных сетях и даже на ведущих локальных форумах. Необходимо честно признать, что на сегодняшний день интернет-пространство Украины настроено по отношению к евразийскому вектору интеграции явно негативно, что не может не тревожить.

Важнейшим в такой работе (с Интернетом) является сегментированность ключевых «посланий», адресуемых конкретным социально-демографическим группам. Каждый человек должен понимать, что получит от процесса, именуемого евразийской интеграцией, именно он. Наверное, пригодятся здесь и классические методы: создание специальной литературы для вузов (хотя бы справочного характера, как это делает Евросоюз), студенческие конференции. Отчего бы не взять пример с той же НАТО, проводящей студенческие конкурсы по тематике «евроатлантической интеграции»?

По-прежнему актуальна информационная подпитка экспертной

среды. Далеко не все эксперты владеют информацией о ТС, его структуре, полномочиях и т.д. (что же тогда говорить об остальных). Безусловно, важным в работе с экспертами является проведение таких публичных мероприятий, как состоявшаяся в Киеве 19-20 октября конференция – при одновременном расширении географии подобных форумов на основные регионы Украины. Как верно отметила на конференции доктор исторических наук Тамара Гузенкова, в украинском публичном дискурсе евразийский вектор если не маргинален, то очень неоднозначно воспринимается, и отсюда – низкий уровень внимания к дискуссиям о евразийских перспективах Украины.

В повестку дня выдвигается формирование восприятия евразийского вектора как альтернативы европейскому, в том числе через проведение масштабных мероприятий по примеру ежегодного Форума «Украина – ЕС».

Для оптимизации экспертного сопровождения евразийских проектов было бы разумным формирование сети экспертов, способных выступать спикерами на других мероприятиях, в том числе на тех, которые посвящены вопросам европейской (евро-атлантической) интеграции, поскольку именно там производится и запускается в оборот едва ли не большинство мифов о Таможенном союзе.

Важный момент – формирование целостного имиджа ТС и входящих в него стран. Попытка формировать имидж на основе рационального осмысления преимуществ – не самый эффективный путь. Это доказывают и переговоры Украины по созданию ЗСТ с ЕС – переговоры продолжаются, хотя большинство экспертов уверено, что данная инициатива не на пользу Украине. Вполне естественно, ТС и любые иные евразийские проекты, воспринимаются общественным сознанием сквозь призму имиджа России как неформального лидера объединения. Однако на имидж России пока что, к сожалению, сильнее всего влияет антироссийская информационная кампания, непрерывно ведущаяся в украинских СМИ на протяжении всех лет независимости и закрепляемая в школьной программе (через так называемую «политику национальной памяти»). За 20 лет была «накатана» целая система воспитания украинской молодежи, для которой Россия – либо «абсолютное зло», либо «смешная страна», сотрудничество с которой бессмысленно. Решительная ломка этого стереотипа – определяющий момент в успехе продвижения идей евразийской интеграции в украинском обществе.

В публичном дискурсе, связанном с перспективами евразийского интеграционного проекта, должна быть увеличена также роль Белоруссии и Казахстана, имея в виду преимущества, которые получают эти

страны от участия в Едином экономическом пространстве.

На конференции в Киеве многие эксперты говорили, что люди редко мыслят сугубо рациональными категориями. Да, для Украины ежегодная выгода от евразийской интеграции в 9 миллиардов долларов – **сильный** аргумент, но это больше для экспертов и людей науки. Для обычного же человека эта цифра – абстракция, как и сам бюджет Украины (о величине которого граждане чаще всего имеют очень приблизительные представления). А вот Евросоюз оперирует гораздо более доходчивой информацией – **известными торговыми марками, символами социального, семейного и личного благополучия, образами технологического совершенства, представлениями о ЕС как о «Роге изобилия»,** где только что молочные реки не текут. Все это тиражируется украинскими СМИ и большим количеством живущих на западные деньги НПО.

Образ же России в тех же источниках информации сопровождается таким набором негативных ассоциаций, что делает в коллективном сознании любое участие в продвигаемых Россией проектах, мягко говоря, неприемлемым. Пособляет этому и грубая дезинформация, например, разговоры о том, что в Таможенном союзе «все решает Россия», что Кремль в случае присоединения Украины к ТС будет напрямую влиять на украинский бюджет, и другая откровенная ложь. И эти внушения «овладевают массами» тем более легко, что большинству граждан Украины не до «высоких материй», они сосредоточены на другом – на физическом выживании. Совершенно очевидно, что выработка альтернативного набора смыслов и символов интеграции, привлекательных для простого гражданина Украины, должна начинаться в России и исходить из России.

Возможным подспорьем тут станет коллективная память об эпохе СССР и социальных преимуществах советского строя (наличие таковых признают даже русофобски настроенные галичане) – свободе передвижения в рамках общих границ, соизмеримости стоимости таких передвижений с доходом подавляющего большинства населения, доступной цене на услуги ЖКХ и др. Без такой информационной работы, адресатом которой является «простой человек», все остальные усилия будут половинчатыми.

Генри Форд когда-то заметил: «Экономить на рекламе все равно, что остановить часы с целью экономии времени», и это очень верно.

Таможенному союзу, безусловно, ни к чему «завлекать» кого-то против его желания, но предоставить полный объем информации о себе и на регулярной основе проводить информационные кампании в поддержку своей деятельности – это суровое требование времени. Для серьезного политика отложить выполнение данного требования – невозможно.

(Казанцев Б. Б. Казанцев: Евразийская интеграция и информационная политика // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14492/>). – 2012. – 31.10).

Владимир Путин в послании парламенту поручил разработать для соотечественников, носителей русского языка и русской культуры, прямых потомков тех, кто родился и в Российской империи, и в Советском Союзе, ускоренный порядок предоставления российского гражданства при условии их отказа от гражданства другой страны. Он велел способствовать дистанционному образованию на русском языке, пообещав поддержку учебниками и материальной базой. Образованию на русском языке велено придать глобальный характер, «расширять присутствие России в мировом гуманитарном, информационном и культурном пространстве».

Иницирует президент и ограничения. Для эффективного миграционного контроля он призвал не позднее 2015 г. отказаться от практики въезда граждан отдельных государств СНГ в Россию по своим внутренним паспортам, за исключением участников Таможенного союза. Сейчас таким правом наделены граждане Белоруссии, Украины, Таджикистана, Казахстана и Киргизии, в отношении граждан России при поездках в эти страны действует такой же порядок, сообщил представитель пресс-службы ФМС. Из слов президента следует, что Белоруссии и Казахстану введение новой практики не грозит.

В парламенте Украины это предложение воспринято как принуждение к вступлению в Таможенный союз, Украина может пойти на ответную меру, заявил *депутат Партии регионов Вадим Колесниченко*. Исключать ответной меры нельзя, но введение нового порядка не индикатор ухудшения отношений, уверен *председатель комитета Госдумы по делам СНГ Леонид Слуцкий*.

Идея об облегченном гражданстве выходцам из республик СССР даст повод оппозиции обвинять власти в том, что они начинают массовую раздачу паспортов мигрантам, отмечает политолог Михаил Виноградов, весьма критикуемой будет и инициатива о въезде по загранпаспортам для нечленов Таможенного союза – ведь с учетом ответных мер получится, что загранпаспорт понадобится для поездки в Крым. (...)

(Владимир Путин стимулирует вступление в Таможенный союз // Информационно-аналитический центр (<http://www.ia-centr.ru/expert/14777/>). – 2012. – 14.12).

ЕВРАЗИЙСКИЙ ПРОЕКТ В КОНТЕКСТЕ НАУКОВИХ ДОСЛІДЖЕНЬ:

Евразийский экономический союз: гражданское измерение¹

В последнее время политический запрос на евразийскую интеграцию существенно вырос по причинам более или менее очевидным. Отметим лишь, что затяжной мировой финансово-экономический кризис, ставший непосильным испытанием для многих национальных экономик, и, как следствие, крушение мифа о прочности блестящей репутации США и Европейского союза многих заставили по-иному взглянуть на саму региональную интеграцию как таковую и пути её достижения.

Это касается и инициативы создания Евразийского экономического союза, выдвинутой В. Путиным 4 октября 2011 г. и закреплённой подписанием 18 ноября того же года Россией, Беларуссией и Казахстаном совместной декларации. В ряду уже действующих интеграционных проектов – Союзного государства Беларуссии и России, ЕврАзЭС и Таможенного союза – принципиально новым моментом стала прямая апелляция российского руководства к неправительственному сектору.

Риторика официальных лиц, обращённая к обществу, свидетельствует о том, что впервые гражданские институты стали рассматриваться как потенциальные партнёры государства, которым предполагается отвести немаловажную роль в деле интеграции.

В связи с этим своевременно более обстоятельно разобраться в вопросе о том, что же на самом деле представляет собой российский неправительственный сектор, каковы его реальный потенциал и пределы возможностей. Это выглядит тем более актуально, если учитывать, что российские НПО, которые ещё только начинают по-настоящему разворачиваться, уже обросли как светлыми, так и мрачными мифами, породили немало избыточных ожиданий и излишне поспешных разочарований.

Особенности интеграционных процессов в СНГ

Если абстрагироваться от многоаспектных характеристик интеграционных процессов в СНГ и сосредоточиться на тех моментах, которые име-

¹ Статья написана на основе доклада, подготовленного автором к пленарному заседанию Общественной палаты Российской Федерации (25 мая 2012 г.) по вопросу «Роль институтов гражданского общества в развитии интеграционных процессов на Евразийском пространстве».

ют непосредственное отношение к нашей теме, то необходимо выделить следующее. Интегрируемое постсоветское пространство имеет ряд специфических отличий, например, по сравнению с ЕС, на опыт которого у нас, как правило, принято ссылаться как на образец для подражания. Одно из таких отличий касается подходов к формированию единого экономического, визового, финансового и прочих «пространств». Принцип, исповедуемый в ЕС, можно определить как консенсусный, а его кредо – «всеми средствами добиваться полного согласия всех участников интеграции».

Инструментом такой политики стала система длительных, иногда многолетних переговоров и согласований по принципиальным вопросам, конечным результатом которых становится единая позиция всех стран – членов ЕС.

В рамках СНГ в силу ряда причин на вооружение была взята другая формула – «объединяйся с теми, с кем можно объединиться». В итоге в формате СНГ сложились интеграционное ядро, состоящее из России, Казахстана и Белоруссии; группа государств, примыкающих к этому интеграционному ядру (Киргизия, Таджикистан и отчасти Армения); остальные участники Содружества, ситуативно вступающие в объединения и союзы или воздерживающиеся от них в зависимости от своих национальных и региональных интересов, а также мировой конъюнктуры.

Таким образом, на постсоветском пространстве различные страны, экономики, а соответственно, и общества оказались *на разных позициях и полюсах интеграции, а СНГ-интеграция приобрела матрешечный, разноскоростной и разноуровневый характер*. Это, в свою очередь, порождает множественность подходов и разногласия, размывает границы интеграционного поля, делает эту конструкцию неустойчивой.

Другой существенной особенностью остаётся *значительный разрыв между интеграционными настроениями в среде национальных правящих элит и в массовом сознании*. В своих намерениях часть национальных элит нередко исходит не столько из долгосрочных планов, сколько ориентируется на текущую конъюнктуру, с изменением которой может быть изменена и интеграционная повестка дня.

Кроме того, гипертрофированная в условиях постсоветской действительности роль личностного фактора и незавершённость институционального строительства могут привести (и известны случаи, когда приводила) к тому, что с приходом нового лидера страны изменяется её внешнеполитический курс, что влечёт за собой и денонсацию прежних договорённостей².

2 Наиболее очевидным примером такой политика стал курс президента Грузии М. Саакашвили, приведший к выходу страны из СНГ.

Кроме того, во многих странах имеется и значительное число «евроазиатских скептиков», причём больше всего их концентрируется в экспертно-интеллектуальной среде национальных элит, поскольку именно из них уже длительное время рекрутируются многочисленные группы лоббистов евроинтеграционного вектора.

Следует также признать, что в *Содружестве изначально возоблада- ла верхушечная, или бюрократическая, модель интеграции*. Государство в лице его лидеров и аппарата чиновников оказалось главным субъектом интеграции, выполняя одновременно функции заказчика, исполнителя и дистрибьютора интеграции на постсоветском пространстве.

В свою очередь, *общество оказалось в роли объекта интеграционных начинаний и потребителя «интеграционного продукта»*. Не вызывает сомнения, что на определённых этапах и в соответствующих им условиях эта модель сыграла роль своеобразного тормоза дезинтеграционных процессов. Однако, как представляется, со временем противоречия между «предложением сверху» и «спросом снизу» стали нарастать.

Проблемой остаётся соотношение и качество прямой (от народа к власти) и обратной связи. Вторая явно преобладает над первой, и нередко **власть реагирует на сигналы снизу лишь тогда, когда они приобретают массовый протестный характер**.

Из огромного объёма закладываемых интеграционных показателей нередко выпадают собственно человек и человеческие (социальные) сообщества с их повседневными потребностями, запросами, страхами и надеждами. Интеграция по принципу «как удобно государству» приводит к тому, что социальной реакцией на это становятся альтернативные, неформальные, теневые способы интеграции, которые обходят официальные нормы, а иногда и противоречат им (что особенно заметно в сфере **миграционной политики и миграционных отношений индивида и государства, породивших обширный рынок теневой миграции**).

В целом складывается отчётливое впечатление, что *«интеграция сверху», недостаточно подкреплённая интеграцией «снизу», в значительной степени исчерпала себя и имеет тенденцию к постепенному угасанию или стагнации*.

Значительная часть населения России всё ещё высказывается за объединение на постсоветском пространстве³. По данным опроса, проведённого ВЦИОМ в октябре 2011 г., за объединение с другими быв-

³ ЕАС нужно создать как можно скорее, считают эксперты // РИА Новости: информ. агентство. 2011. 15 ноября. URL: <http://ria.ru/society/20111115/489465184.html>.

шими республиками СССР высказались 48 % опрошенных граждан России. Исследования, проведённые в тот же период времени в Белоруссии, Киргизии, Азербайджане и Литве, выявили в этих странах схожие тенденции. Самое большое число сторонников идея интеграции получила в Киргизии и Белоруссии (67 % и 62 % опрошенных соответственно).

Опросы ВЦИОМ показали также, что в восприятии россиян по уровню доверия на первом месте стоит Казахстан, на втором – с некоторым отрывом Белоруссия и на третьем месте (с большим отрывом) – Украина. Так, 42 % опрошенных российских граждан считают Казахстан наиболее стабильной и успешной страной постсоветского пространства. На второе место они поставили Белоруссию (её считают наиболее стабильной и успешной 35 % опрошенных). На третьем месте – Украина, которую так охарактеризовали 17 % респондентов. Высок процент жителей России (42 %), назвавших Казахстан самым надёжным партнёром РФ из постсоветских государств на международной арене. В близость внешнеполитических курсов России и Белоруссии верят 36 %, РФ и Украины – всего 16 %. Таким образом, именно Казахстан и Белоруссия, которые вместе с Россией продвигают идею Евразийского экономического союза, по мнению граждан России, и являются оптимальными партнёрами для объединения.

Однако и в России, и в Казахстане около трети опрошенных убеждены в том, что никакой необходимости в интеграции на постсоветском пространстве нет. По их мнению, достаточно обычных дипломатических и торговых отношений, таких же, как со странами дальнего зарубежья. В октябре 2011 г. такую точку зрения высказывали 34 % российских и 33 % казахстанских граждан.

В контексте приведённых данных обращает на себя внимание мнение, согласно которому *эти цифры говорят не столько о нежелании людей объединяться, сколько об их неверии в то, что интеграция может реально изменить к лучшему жизнь населения*⁴.

В этом контексте интеграционная политика представляет собой весьма сложное поле деятельности. Для него характерны такие черты, как невысокий уровень межстрановой консолидации; значительная (иногда доходящая до поляризации) дифференциация интеграционных установок в среде национальных элит, с одной стороны, и массовых на-

⁴ Евразийский союз нужно создать как можно скорее, считают эксперты // Альянс Медиа: интернет-сайт. 2011. 16 ноября. URL: <http://www.allmedia.ru/newsitem.asp?id=911327>.

строений – с другой; существенная зависимость внешнеполитического курса стран СНГ от мировой конъюнктуры и политики крупных геополитических игроков; институциональная незавершённость (последнее относится отнюдь не только к гражданским институтам). Иными словами, интеграция представляет собой неравномерный процесс и содержит определённые риски.

Особенности неправительственного сектора в России

В связи с этим напрашивается, казалось бы, очевидный вывод, что важным фактором активизации интеграционной деятельности на постсоветском пространстве может стать неправительственный сектор. Действительно, есть все основания полагать, что НПО имеют значительный потенциал поддержки государственной политической власти в её усилиях по формированию единого евразийского пространства. Впрочем, надежды на созидательное «творчество масс» могут привести к глубокому разочарованию, если абсолютизировать роль гражданского сектора и не **принимать во внимание** как его особенности, так и пределы его возможностей.

Уточним, что в данном случае среди всего многообразия форм и способов гражданской самоорганизации и активности речь идёт о своего рода ядре гражданского общества, а именно об институтах или организациях неправительственного сектора. Их отличает от других стихийных или неустойчивых образований относительно постоянный состав участников, **а также совместная деятельность ради общих целей**, опирающаяся на разделяемые ценности.

Исторически сложилось так, что в евразийском регионе первые гражданские институты в их современном виде создавались по западному **образцу и в немалой степени под патронатом западных правительств** и близких к ним НПО. Вследствие этого в большинстве стран СНГ сложилась разветвлённая, хорошо структурированная и упорядоченная система проевропейских (евроатлантических) НПО, продвигающих западные ценности и интересы. В свою очередь, национальные НПО, тем более исповедующие евразийские ценности, приобрели более аморфный характер, не говоря уже об их малочисленности. Более того, в некоторых странах, **например на Украине, в Молдавии и Грузии, усилиями правящих прозападных элит** они были оттеснены на общественную обочину и довольно быстро стали маргинальными и вторичными.

Исследование, проведённое в РИСИ, показало, что род деятельности зарубежных неправительственных организаций, зарегистрированных **в России, в гораздо большей степени корреспондирует с политическими интересами и социальными запросами страны происхождения**, чем страны пребывания.

Так, в общем объёме зарубежных неправительственных организаций, действующих на территории России, около 44 % заняты вопросами усыновления российских детей иностранцами (на официальном языке это звучит как защита интересов детей); по 11,6 % – в области науки, культуры, образования и социально-экономической сфере; почти 8 % – в правозащитной; 5,8 % – в сфере социально-политической деятельности; 5,4 % – в области защиты прав этнических меньшинств; чуть более 4 % – в области медицины (главным образом, продвижение собственных программ борьбы со СПИД – безопасного секса, чистых шприцев, заместительной терапии). Лишь 2,1 % зарубежных НПО заняты на территории России защитой окружающей среды и только 0,8 % декларируют в качестве своих целей поддержку российского спорта⁵. Надо ли быть семи пядей во лбу, чтобы понять очевидное: зарубежные НПО пришли в Россию и в страны СНГ для того, чтобы содействовать их конвергенции с западным миром. И свой потенциал они направляют отнюдь не на содействие объединению постсоветской Евразии.

Известно, что одна из основных черт, отличающих гражданский сектор от бизнеса и государства, состоит в том, что его цели не связаны с получением прибыли или власти. Однако применительно к постсоветским НПО следует говорить об их относительно низком добровольческом потенциале и слабом участии в работе на общественных началах. За годы независимости и посткоммунистической реальности в регионе пока так и не сложился симбиоз государства и общества, основанный на отношениях партнёрства.

Отчасти поэтому для отечественного неправительственного сектора, особенно **сотрудничающего с государством**, большое значение приобретают в качестве компенсации такие моменты, как *материальное вознаграждение* (пусть и умеренное), *возможность социального лифта, карьерные перспективы*. Иностранцы игроки в негосударственном секторе не только учитывают это обстоятельство, но и в значительной степени формируют его. Так что **«расценки», «тарифы» в валютном эквиваленте** и иные **«бонусы» за участие в деятельности НПО** – это **устоявшаяся норма их присутствия** в любой стране. Через этот механизм прошли многочисленные группы российских учёных и экспертов. Мы в данном случае не собираемся давать оценок этому явлению, отметим

⁵ Петровская О. В., Филянова В. А. Зарубежные неправительственные некоммерческие и религиозные организации в России / О. В. Петровская, В. А. Филянова; Рос. ин-т стратег. исслед. М.: РИСИ, 2011. С. 17.

только, что при создании **отечественного евразийского «пула» НПО неизбежно приходится учитывать и этот феномен.**

Представляется также существенным тот факт, что отечественный неправительственный сектор отличает довольно низкая поддержка инициатив, направленных на выполнение задач, поставленных руководством **страны. Существует точка зрения (и с ней трудно не согласиться),** что постсоветские и постсоциалистические общества всё ещё не изжили комплекс принуждения к благотворительности и альтруизму, широко практиковавшееся в СССР и странах социалистического лагеря⁶. Более того, **в настоящее время гражданские движения формируются скорее на протестной основе и с целью противодействия социальной политике властей или недобросовестных хозяйствующих субъектов.** Как показывают социологические замеры, почти половина жителей России и большинство активистов и руководителей НПО считают, что власти должны создавать **благоприятные условия только для тех организаций, которые реально помогают людям, приносят им пользу, и отказывать в такой поддержке гражданскому сектору, ангажированному на выполнение государственных задач**⁷.

Эксперты утверждают, что в российском социуме наблюдается тенденция уменьшения доверия населения к государственным институтам и к **общественным организациям. А исследования прямо показывают, что НПО зачастую работают на понижение лояльности властным структурам**⁸. При этом те неправительственные организации, которые не просто сотрудничают с властями, но «выполняют госзаказ», нередко склонны отождествлять себя с государством и властью в большей степени, чем с гражданским обществом. Тем самым они увеличивают социальную дистанцию и приобретают вид и характер госструктур. А это ещё больше ослабляет доверие к ним со стороны общества и снижает эффективность их работы.

В решении различного рода проблем люди предпочитают **рассчитывать на себя, на своё ближайшее окружение или на земляческие и**

⁶ Ховард М. М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе / Марк М. Ховард; пер. с англ. И. Е. Кокарева. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 127–155.

⁷ Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры / отв. ред. Е. С. Петренко; Ин-т Фонда «Общественное мнение». М., 2008. С. 35.

⁸ Там же. С. 62–63.

кланово-семейные отношения (это особенно характерно для стран Центральной Азии), что заметно осложняет деятельность НПО, занятых в сфере выполнения «госзаказа».

Таким образом, представляется, что, ставя перед обществом задачу активного участия в интеграционных процессах на евразийском пространстве, едва ли удастся воспользоваться энергией и потенциалом НПО в полной мере, не реформируя систему отношений государства и гражданских институтов.

Проблемное поле

Судя по некоторым признакам, проявившимся после обнародования инициативы В. Путина, гражданское движение за евразийскую интеграцию подстерегают серьезные опасности, которые частично можно было бы обойти, если их осознать.

В частности, есть все предпосылки к тому, что в формировании «евразийского пула» НПО может возобладать бюрократическая модель. Уже сейчас начались акции и мероприятия по созданию мегаобъединений, в которых собираются многочисленные организации. Проводятся учредительные съезды, легитимизирующие иерархические структуры, создаются контрольно-ревизионные органы, верстаются планы мероприятий и календарные графики их исполнения – всё по образу и подобию государственных или партийных органов.

Какая-то часть неправительственного сектора, конечно, может быть мобилизована на выполнение задач и таким способом. Но в целом это как раз то, что может омертвить саму интеграционную идею и сделать НПО прибежищем отставных чиновников или лоббистскими площадками для высокопоставленных руководителей неправительственных организаций.

Следует учитывать, что гражданское общество по природе своей – это общество прежде всего горизонтальных связей и лишь потом – вертикальных. Существует масса альтернативных движений и организаций, несущих в себе объединительный потенциал, но ни при каких условиях не желающих становиться «партийными» ячейками и терпеть над собой бюрократическое руководство.

Экспертные опросы указывают также на наличие такой серьезной проблемы, как низкий уровень публичности при обсуждении вопросов, связанных с интеграционными процессами. Интеграционные усилия оказываются в ограниченном поле зрения не только общественности, но и экспертного сообщества. Его представители чувствуют свою невостребованность у государства и чиновничества, занятого в сфере

интеграционной политики⁹. Более того, в аппаратных кругах нередко считают, что чрезмерная публичность и «вмешательство» общества в дело интеграции могут только навредить. Вспоминается реакция одного высокопоставленного госслужащего, который на просьбу рассказать о ходе интеграции ответил: «Ну, что вы всё торопитесь? Вот всё сделаем,отрегулируем, тогда и поговорим».

Между тем, представляется, что такая закрытость приводит к потере всякого интереса и утрате чувства целесообразности интеграции на уровне общественного сознания. И наоборот, *публичность, открытость дискуссии на темы интеграции хотя и затрудняет процесс принятия решений, но делает его не только понятным, но и выстраданным, прочувствованным. Если каждый её участник вносит свой личный гражданский вклад в общее дело, то это делает интеграционный процесс более устойчивым.*

Складывается также впечатление, что в управленческой среде бытует представление об эффективности простого сложения инициатив и предложений, когда из общей «корзины» выбираются наиболее подходящие и соответствующие злобе дня. Вместе с тем очевидно, что это не более чем паллиатив. Для устойчивого результата требуется системный подход, необходимы мобилизация интеллектуальных ресурсов и кропотливая экспертная работа, поиск нестандартных идей и способов их осуществления.

Думается, что в целом движению за евразийскую интеграцию необходим другой процесс – диверсификации, создания, образно говоря, симфонического оркестра, где каждый выполняет свою роль и играет свою партию, но вместе создают нечто целостное и (если оркестр хорош) совершенное. В этом смысле при разумном сочетании институционально-структурного и проектного, формализованного и неформального подходов в созидательную деятельность можно вовлечь значительные группы гражданского общества.

Повестка дня для НПО

В связи с этим возникает необходимость сформулировать ряд принципиальных положений, составляющих не только проблемное поле,

9 Восприятие интеграционных процессов на постсоветском пространстве лидерами общественного мнения Беларуси, Казахстана, России и Украины. Основные результаты исследования / Фонд «Наследие Евразии» // Фонд «Наследие Евразии»: интернет-сайт. 15 с. URL: http://www.fundeh.org/files/projects/elements/29/vospriyatie_integracionyh_processov_na_postsovets.doc.

но и вытекающие из него задачи, в решении которых могут принять участие институты гражданского общества.

Очевидно, что в деле эффективного партнёрства государства и НПО можно рассчитывать на успех только в том случае, если отойти от парадигмы сопровождения к парадигме активного участия в политике интеграции. Кому как не гражданскому обществу в тесном союзе с наукой и государством разрабатывать философию интеграции, выявлять и поддерживать ценности единого экономического и историко-культурного пространства. Именно институты гражданского общества могли бы взять на себя ответственность за поиск смыслов объединения, способных активизировать креативный класс и содействовать расширению социальной базы интеграции.

Как это ни покажется странным, но, имея уже довольно длительную интеграционную историю, нам так и не удалось облечь её в позитивные образы и стереотипы, понятные на уровне не только экспертного, но и обывденного сознания. По словам украинского политолога Д. Выдрины, «геополитические союзы будут возникать не там, где более хитрая внешняя политика, более изощрённые дипломаты, более хитрые спецслужбы. А там, где вдруг проявится более рельефный, более мускулистый, более потрясающий воображение Великий договор между властью и народом»¹⁰. В чём смысл этого договора – вопрос особый. Украинский эксперт полагает, что это могут быть обязательства государства перед своими гражданами, по крайней мере, по трём пунктам: обеспечивать рост (пусть и медленный, но неуклонный) их благосостояния; сделать сферу образования надёжными инвестициями в будущее детей; гарантировать непрерывный процесс повышения технологичности труда¹¹.

Бросается в глаза, что все эти предложения больше похожи на хорошо забытое старое. Но, видимо, в этом и состоит судьба вечных человеческих устремлений и простых истин – от них периодически отступают, но постоянно к ним возвращаются или, по крайней мере, мечтают как о несбыточной утопии.

Было бы крайне наивно полагать, что власть этого не понимает и ей необходимо открывать глаза на очевидные вещи. Чтобы в этом убедиться, достаточно познакомиться со статьёй В. Путина «Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить», опубликованной в феврале 2012 г. в «Известиях». В ней говорится о том, что будущая

¹⁰ Выдрин Д. Евразийство – между проблемами Европы и ошибками России / Дмитрий Выдрин // Дмитрий Выдрин: перс. интернет-сайт. 2012. 12 апреля. URL: <http://www.vydrin.com/express/218593>.

¹¹ Выдрин Д. Указ. соч.

российская экономика должна отвечать потребностям общества, что она должна обеспечить более высокие трудовые доходы, более интересную, творческую работу, создавать широкие возможности профессионального роста и формировать социальные лифты¹². Как видно, слова российского президента перекликаются с приведёнными выше суждениями украинского эксперта. Под словами о том, что «люди должны почувствовать позитивные изменения – и в первую очередь через расширение своих собственных возможностей»¹³, могли бы подписаться очень многие.

Однако в рассуждениях подобного рода есть, на наш взгляд, один весьма существенный нюанс. Нередко приходится слышать, что Россия, претендующая на «собрание земель», должна прежде всего «навести порядок» в своём доме и только потом претендовать на лидерство в интеграционных инициативах. Это может-де стать гарантией её привлекательности для соседей, склонить к интеграции тех, кто относится к ней настороженно или даже пытается её избежать.

Спору нет, российскому обществу необходимо приложить гигантские усилия для того, чтобы сделать Россию процветающей страной. Но ясно также и то, что для оптимизации сотрудничества и создания более тесных союзов необходимы общие усилия. Единое экономическое пространство невозможно без близких жизненных стандартов, без общих смыслов и ценностей, которые не столько навязываются более сильной стороной, сколько вырабатываются в совместном труде. При этом эффективный совместный труд неизбежно предполагает и лидерство в разных «ипостасях» – страны, управленческого центра, политических или общественных сил и, наконец, личностей.

В настоящее время мотором интеграционных процессов считается экономическая составляющая, и именно к ней приковано основное внимание политиков и экспертов. Однако это обстоятельство не должно затмевать насущной необходимости в формулировании идейных и концептуальных основ объединения, выходящих далеко за рамки только экономических отношений. Представляется, что назрела необходимость *выработки внятной идеологии*. И в ней не должно быть ничего заумного и сверхсложного.

Российский политолог Ф. Лукьянов, кроме всего прочего, отмечает, что у инициаторов Евразийского союза отсутствует язык, который пред-

12 Путин В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить / Владимир Путин // Известия. 2012. 16 января.

13 Путин В. Указ. соч.

ставил бы эту структуру в современном виде, обращённой в будущее¹⁴.

Вообще, у нас сложилась традиция представлять успехи межгосударственного сотрудничества, в том числе и в рамках интеграционных объединений в количественных измерениях – в тоннах, в денежном эквиваленте, в объёмах ВВП, в штуках, километрах и т.п.

А что значат для простого человека в России, Белоруссии, Казахстане или в Киргизии эти показатели роста торгово-экономических отношений, если они не касаются его лично?! Его волнуют гораздо более конкретные и близкие его семье и домашней экономике вопросы. Многолетние динамические наблюдения социологов за структурой и шкалой массовых страхов, надежд и опасений показывают, что базовыми факторами социальной тревоги и фрустрации остаются безработица, рост цен и, как следствие, бедность, болезни, а также неопределённость будущего детей.

По данным социологической службы «Левада-центр», в показателях тревоги россиян с 2005 по 2011 г. три первых места неизменно занимают: рост цен (71–73 %); бедность (53–52 %); рост безработицы (39–41 %).

Интересно, что ограничение гражданских прав и демократических свобод беспокоит не более 4 % российских граждан¹⁵.

А вот более свежие данные соцопроса, проведённого в июне 2012 г. в автономии Молдавии – Гагаузии. На вопрос о том, какие проблемы тревожат опрашиваемых больше всего, почти 64 % назвали цены, 62 % – безработицу, 42,4 % – будущее детей и 38,5 % – бедность. Всё остальное – даже финансовый кризис (15 %) и возможное объединение с Румынией (17,4 %) – осталось далеко позади¹⁶.

Это прямо указывает на то, что людей объединяют простые и понятные, но далеко не всегда достижимые в наше время вещи – возможность найти работу не за тридевять земель, а у себя на Родине; быть уверенным, что твой заработок позволит не только избежать голода, но и обеспечит развитие семьи; знать, что в случае болезни тебе и тво-

14 Лукьянов Ф. Недоразумение по-евразийски / Фёдор Лукьянов // Газета.Ru: интернет-сайт. 2012. 19 ноября. URL: <http://www.gazeta.ru/column/lukya-nov/4735037.shtml>.

15 Что тревожит россиян и мешает им жить? / Левада-центр // Блог честного статистика: интернет-сайт. 2011. 31 августа. URL: http://statistic.su/blog/chto_trevozhit_rossijan_i_meshaet_im_zhit/2011-08-31-383.

16 Данные соцопроса Центра социологических исследований и маркетинга «CBS-АХА» по программе исследования на тему «Уровень интегрированности населения АТО Гагаузия».

им родным предоставят квалифицированную медицинскую помощь на месте, а не за границей; быть в состоянии дать образование своим детям, не разлучаясь с ними ради этого на долгие годы, и пр.

В действительности же для огромного числа людей в постсоветских странах всё оказалось как раз наоборот. Национальные правительства (и стран-доноров, и стран-реципиентов) попали в миграционную ловушку. Первые, отправляя миллионы своих граждан на заработки, нередко «парализируют» на заработанных «отходниками» деньгах. Ведь пока значительная часть молодого трудоспособного и социально активного населения вдали от родины – меньше пресс социальной ответственности, а управлять стариками и детьми значительно легче и безопаснее. В свою очередь, в странах, принимающих трудовых мигрантов, растёт другая опасность – консервация отношений, основанных на неквалифицированном, непроизводительном, нередко и полурабском труде.

В докладе Научно-исследовательского института социального развития при ООН ещё в 1995 г. отмечалось, что среди самых разрушительных последствий миграции можно назвать ориентацию целых регионов на выезд в другие страны и создание «миграционной культуры»¹⁷. С тех пор ситуация не только не изменилась, но и усугубилась. Например, по данным ФМС, в России в настоящее время находится 4,5 млн трудовых мигрантов¹⁸. Не будет ошибкой полагать, что значительная часть этих людей готова работать за любые деньги. При этом наибольший объём частных переводов в страны СНГ приходит именно из России. Так, по данным Национального банка Украины (НБУ), за январь – сентябрь 2011 г. от «северного соседа» поступило 32,1 % общего объёма входящего трафика (для сравнения: из США – 10,3 %, Германии – 6,9 %, Греции – 5,7 %, Кипра и Италии – по 5,6 %) ¹⁹. Объём входящих в Украину денежных переводов частных лиц соизмерим с притоком в страну прямых

17 Тревоги мира. Социальные последствия глобализации мировых процессов: Доклад ЮНРИДС, подготовленный для Всемирной встречи на высшем уровне в интересах социального развития / пер. на рус. яз. Н. Н. Кулакова; Научно-исслед. ин-т соц. развития при ООН. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 63.

18 Без мигрантов Россия пропадёт // Столетие: интернет-газ. 2012. 22 марта. URL: http://www.stoletie.ru/na_pervuiu_polosu/bez_migrantov_rossija_propadet_2012-03-22.htm.

19 *Гриньков Д.* Асинхронный ответ / Дмитрий Гриньков // Banki.ua: интернет-сайт. 2012. 12 марта. URL: <http://www.banki.ua/news/bankpress/?id=152072>.

инвестиций. **Денежные поступления в Молдавию от мигрантов, работающих в России, по официальным платёжным системам, составляют до 1 млрд дол. ежегодно**²⁰. А если учесть неформальные каналы переводов, то эту сумму можно смело удваивать (при ВВП примерно в 12 млрд дол.).

Таким образом, налицо, по сути дела, драматическое противоречие между внешнеполитическими приоритетами и экономическими реалиями ближайших соседей России.

Однако национальные правительства в своих представлениях о конкретных путях, сроках и направлениях интеграционных проектов не должны пренебрегать общественными настроениями и законами социальной жизни. Невозможно считать нормой такие обстоятельства, при **которых принцип свободного передвижения рабочей силы реализуется в уродливых формах** (достаточно вспомнить предельную концентрацию мигрантов в Москве, Московском регионе и Санкт-Петербурге).

Совершенно очевидно, что Евразийский союз в будущем немислим без ёмких по национальным масштабам рынков труда, без высоких стандартов образования и здравоохранения. Рано или поздно, но на местах придётся создавать условия для того, чтобы гражданам не было нужды массово покидать родину в поисках заработка, превращая свои страны в демографические пустыни. Лозунг **«Пусть лучше путешествуют товары, чем люди»**²¹ отражает именно эту ситуацию. Сейчас это звучит скорее утопично. Но без изменения мировых неолиберальных тенденций в миграционных процессах отток человеческого и социального капитала из бедных обществ в общества благосостояния только усилится, делая бедный Юг ещё беднее.

Представляется, что в число фундаментальных задач «народной интеграции», в которых роль институтов гражданского общества могла бы быть весьма существенной, входят: расширение социальной базы интеграционных процессов на евразийском пространстве; привлечение людей, **которые способны менять будущее; создание климата общественной солидарности; организация совместной деятельности, направленной на достижение конкретных перспективных целей.** И НПО способны эффективно **участвовать в выработке норм и стандартов ев-**

20 Асауляк М. Кишинев. Паспорт на выбор / Максим Асауляк // Weekly. ua: интернет-сайт. 2011. 25 августа. № 16. URL: <http://weekly.ua/pulse/theme/2011/08/25/174344.html>.

21 См.: Тревоги мира. Социальные последствия глобализации мировых процессов ... С. 67.

разийской гражданской и культурной идентичности.

На данном этапе главные усилия гражданского общества могли бы быть сосредоточены на таких направлениях, как медийная сфера, наука, образование. А главными объектами и одновременно субъектами интеграционных практик должны стать научно-экспертное сообщество и молодёжь.

Существует потребность *в создании интернет-ресурсов, продвигающих идеологию интеграции и способствующих консолидации её сторонников*. Однако удивительно, как мало подобной информации на официальных ведомственных сайтах стран СНГ и как много – посвящённой европейской интеграции и евроатлантическому сотрудничеству. В этой ситуации объединение интернет-активистов из разных стран, налаживание контактов с молодёжными лидерами, создание с их помощью групп **в социальных сетях, выступающих за Евразийский экономический союз**, – это как раз компетенция институтов гражданского общества.

В информационной сфере актуально создание новых станций и каналов для работы с аудиторией постсоветского пространства, в том числе и на национальных языках. Необходимо внедрение практики размещения отдельных передач на популярных мировых видеосайтах, более активное использование формата документальных фильмов, рассказывающих в том числе и о насущных проблемах простых людей и путях их решения.

Настало время использовать социальные сети в качестве инструмента дипломатии для стимулирования объединительных движений (в противовес протестным) среди молодёжи. Цифровые технологии дают возможность повысить эффективность работы с общественностью заграничных учреждений России через создание межведомственного обмена данными, через внедрение «облачных» технологий и т.п.

Активизировать деятельность интегрирующих НПО способно ***развитие блогосферы и интернет-журналистики***. Сюда входит и продвижение позитивной интернет-журналистики, и поиск и обучение наиболее перспективных и активных блогеров, и проведение международных конференций сетевых журналистов. Для связи между блогерами можно было бы открыть сайт, позволяющий получать посты (сообщения) от блогеров из стран Содружества, которые при необходимости следовало бы **переводить на различные языки, а затем тиражировать в сети отобранный материал, распространяя тем самым направленную информацию**. Такой проект способен при благоприятных условиях обеспечить постепенную консолидацию проевразийских блогеров и укреплять их связь с координирующими центрами.

В этом контексте следует обратить внимание на то обстоятельство, что

эффективным способом выработки и закрепления евразийской идентичности может стать поддержание национальных государственных систем вещания, сохраняющих языковые и культурные традиции. Взаимодействие этих национальных систем может способствовать международному сотрудничеству в культурной сфере, повышать толерантность к интеграционной политике через осуществление совместных проектов, через обмен информацией, развитие дискуссии внутри евразийского сообщества.

В образовательной сфере представляется актуальным формирование в недалёкой перспективе общих образовательных стандартов. Без этого трудно себе представить подготовку специалистов, особенно для работы в инновационных сферах по единой программе. Кажется, приходит **время для создания на базе существующих национальных университетов сети *евразийских университетов***.

Кстати, несмотря на относительно недавно появившуюся в российских вузах специализацию по странам СНГ, кадров в различных областях знания с владением языков народов Содружества по-прежнему критически не хватает.

В области научного обеспечения и экспертного сопровождения интеграционных процессов представляется важным изучение закономерностей развития и потенциала взаимодействия гражданского сектора России и стран СНГ на интеграционной основе.

Кроме того, для активизации творческого потенциала целесообразно не просто развивать грантовую систему, но многократно увеличить финансирование конкурсов по интеграционной тематике. Таких конкурсных площадок **должно быть много и разных. На их базе можно аккумулировать интеграционный потенциал в различных отраслях знания.**

В ходе коллективного осмысленного интеллектуального труда могут быть получены ответы на ряд существенных вопросов, таких, например, как:

- что такое Евразийский союз и в чём его преимущества по сравнению с уже существующей системой межгосударственных отношений;
- почему я хочу (или не хочу) стать гражданином Евразийского союза;
- какой вклад в создание Союза я могу внести;
- что нужно сделать, чтобы Евразийский экономический союз превратился в живое, действенное интеграционное объединение?

В языковой сфере России следовало бы серьёзно пересмотреть практику языкового информационного сопровождения своих интеграционных проектов в СНГ. Формированию позитивного образа Таможенного союза, ОДКБ, а в перспективе и Евразийского союза поможет появление российских медиаресурсов и интернет-проектов на местных языках. **Представляется, что ленты крупных российских инфор-**

магентов могли бы включать соответствующие вклады на казахском, киргизском и таджикском языках. Стоит учитывать, что негативное отношение к интеграционным усилиям Москвы распространяется во многом со страниц националистически настроенной прессы и изданий, в массе своей публикуемых на языках народов Центральной Азии, и ориентированных на интеллигенцию.

Вместе с тем понятно, что функции языка межнационального общения по-прежнему принадлежит русскому языку, а его роль как инструмента интеграции значительно возрастает. Поэтому представляется более чем своевременным существенно расширять систему изучения русского языка в странах СНГ, в том числе в рамках, например, *курсов русского языка на базе Российских центров науки и культуры (представительства Россотрудничества)*, подобно Институту Гёте (ФРГ), Институту Сервантеса (Испания) или Институту Конфуция (Китай). При этом изучение русского языка для трудовых мигрантов необходимо начинать в стране проживания до того, как они пересекут границы России и окажутся «немыми» чужаками среди местного населения и привязанными к своему земляческому окружению.

Таким образом, прагматичная задача создания единого экономического пространства должна быть сопряжена с формированием евразийского социального и культурного гражданства. В перспективе оно будет включать в себя единую миграционную политику внутри Союза; общую **социальную политику; общность гражданских прав; общие (непременно высокие!) евразийские стандарты** в сфере образования.

По словам президента Фонда исторической перспективы Н. Нарочницкой, «Русский проект Евразийского пространства – это идея иного, справедливого мира – мира гармонии многообразия. На огромном пространстве свободного обмена достижениями каждый сможет молиться своим богам, но принадлежность к большому проекту может стать источником энергии к модернизации и развитию без порабощения и утраты самобытности»²².

Думается, что гражданское общество вполне обладает интеллектуальными ресурсами и потенциалом для того, чтобы в партнёрстве с государством преобразовать Союз единых таможенных тарифов, общих технических регламентов и единой торговой политики в нечто гораздо

²² Нарочницкая Н. Россия в новых геополитических реальностях / Нагалия Нарочницкая // «...И время собирать камни...» Евразийская интеграция сегодня / Фонд исторической перспективы. М.: Книжный мир, 2012. С. 13.

более важное и весомое для целого ряда стран, как одержимых, так и не озабоченных идеей европейской интеграции. В этом виде Евразийский союз мог бы стать альтернативой и контридеей неолиберальной глобализации, которая обострила неравенство, увеличила разрыв в благосостоянии как между странами, так и между регионами, выгнала миллионы людей из дома в поисках заработка.

Дело за «малым» – наладить механизм такого сотрудничества и вовлечь в созидательную деятельность здоровые творческие и заинтересованные силы.

www.riss.ru/upload/tfi/141/08_Гузенкова.pdf

Гузенкова Тамара Семёновна

заместитель директора РИСИ, руководитель Центра исследований проблем стран ближнего зарубежья,
доктор исторических наук

Для нотаток

Комп'ютерна верстка

В. Струнгар

Підп. до друку 15.01.13

Формат 60x84/16. Друк. офс. Папір офс.

Видається в друкованому та електронному вигляді.

Видруковано в науково-видавничому центрі НБУВ.
НБУВ, пр-т 40-річчя Жовтня, 3, Київ, 03039, Україна

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 5358 від 3.08.2001